
СССР И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Советская дипломатия на завершающем этапе разгрома фашистской Германии

Советское руководство высоко оценило результаты Крымской конференции руководителей трех союзных держав, прошедшей 4–11 февраля 1945 г. В проекте информационной телеграммы послам и посланникам СССР заместитель наркома И. М. Майский отмечал: «Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер, и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам, а также по вопросу о репарациях»¹.

В центре внешнеполитической деятельности СССР после Ялты стояли задачи победоносного завершения войны против фашистской Германии и ее союзников и сохранения антигитлеровской коалиции при последовательном отстаивании государственных интересов Советского Союза. Решения Крымской конференции предусматривали безоговорочную капитуляцию и оккупацию Германии, «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»².

Усилия советской внешней политики по реализации решений Крымской конференции опирались на мощные победоносные удары Красной армии. В грандиозном наступлении от Балтийского моря до Дуная участвовали силы семи советских фронтов — трех Белорусских и четырех Украинских. 3 февраля завершилась крупнейшая наступательная операция Красной армии — Висло-Одерская, в результате которой советские войска вышли на рубеж, удаленный от Берлина на 60 км, а 13 февраля была полностью ликвидирована будапештская группировка врага. В январе — апреле были разгромлены мощные немецкие восточнопрусская и восточнопомеранская группировки, 9 апреля взят Кёнигсберг, а к 25 апреля ликвидирована группировка немецких войск на Земландском полуострове, разгрому подверглись вражеские войска в Верхней и Нижней Силезии. Соединения 1-го Украинского фронта вышли к реке Нейсе и заняли выгодное положение для нанесения ударов на берлинском и дрезденском направлениях. В марте — апреле войска 3-го и 2-го Украинских фронтов развернули наступление на венском направлении. 13 апреля была освобождена столица Австрии — Вена. В результате Венской наступательной операции советские войска овладели южными подступами к Германии и ускорили окончательное освобождение Югославии³.

Колонна немецких военнопленных в Варшаве

Жители польского города Лодзь приветствуют советские войска

Советские артиллеристы ведут огонь в предместье Берлина

Советская штурмовая группа со знаменем движется к Рейхстагу

В это же время завершились последние приготовления к решающему удару Красной армии по Берлину. К Берлинской операции, начавшейся 16 апреля, привлекались войска 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов: 20 общевойсковых, четыре танковые и четыре воздушные армии, девять отдельных танковых и механизированных корпусов, часть сил Балтийского флота и Днепровская военная флотилия. 24 апреля была полностью окружена франкфуртско-губенская группировка противника (около 200 тыс. человек), на следующий день советские фронты, обойдя Берлин с северо-запада и юго-запада, соединились в районе Потсдама и взяли в кольцо войска берлинского гарнизона. 25 апреля в районе Торгау на Эльбе встретились советские и американские войска. С 26 апреля по 2 мая войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов осуществили ликвидацию немецкой группировки в Берлине. В ночь с 30 апреля на 1 мая советские бойцы водрузили знамя Победы над зданием Рейхстага в Берлине⁴.

Одновременно с Берлинской операцией войска 2-го и 4-го Украинских фронтов вели сражения по разгрому немецкой группы армий «Центр» в Чехословакии. После разгрома берлинской группировки противника войска 1-го Украинского фронта также были повернуты против группы армий «Центр». Основная масса окруженных немецких войск 10—11 мая была взята в плен⁵.

Еще до Крымской конференции представители трех союзных держав проделали большую работу по согласованию принципов будущей политики в отношении побежденной Германии. Основная подготовка соответствующих соглашений велась в Европейской консультативной комиссии (ЕКК). В июле 1944 г. она выработала документ о безоговорочной капитуляции Германии, утвержденный СССР 21 августа, а 12 сентября был подписан протокол о зонах оккупации и управлении Большим Берлином. В дополнение к этим договоренностям 1 мая 1945 г. были внесены изменения в документ о безоговорочной капитуляции Германии⁶.

Приближение полного поражения Третьего рейха вызывало необходимость согласования позиций по вопросу о репарациях с Германии. На конференции в Ялте была учреждена Московская комиссия по репарациям в составе представителей трех союзных держав. 21 июня 1945 г. советская делегация в Комиссии по репарациям внесла свои предложения, которые сводились к осуществлению германских репараций за счет изъятий из национального богатства страны в течение двух лет после капитуляции и ежегодных товарных поставок в течение десяти лет. Общую сумму репараций предлагалось оценить в 20 млрд долларов, а ее распределение между способами взимания планировалось установить в ходе работы комиссии. Межсоюзная репарационная комиссия приняла советские предложения за основу для дискуссии⁷.

9 июля 1945 г. В. М. Молотов собрал совещание по вопросу о репарациях с участием ряда высших советских руководителей. Была уточнена позиция СССР по этой проблеме: общая сумма намеченных репараций оставалась без изменений, при этом предлагалось на две трети покрывать ее за счет изъятий из национального богатства Германии в течение первых двух лет и на одну треть — за счет товарных поставок в течение десяти лет после капитуляции⁸. В ходе дальнейшей подготовки к Потсдамской конференции советское руководство модифицировало свою позицию и стало предлагать соотношение 50 на 50%.

В Ялте также обсуждался вопрос о возможном территориальном разделении Германии. 7 марта 1945 г. в Лондоне состоялось первое заседание Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии, в которую вошли представители трех союзных держав. На этом заседании советский представитель Ф. Т. Гусев заявил, что перед комиссией «стоит вполне конкретная задача: выработать конкретный план такого территориального устройства Германии, при котором немцы не могли бы возродить свою военную мощь, и опасность германской агрессии в будущем могла бы быть устранена навсегда». Он указал также, что «меры общего разоружения и демилитаризации, а также экономического разоружения Германии должны быть добавлены мерами такого территориального устройства Германии, когда прусский милитаризм будет вырван с корнями»⁹.

Однако к концу марта советская позиция была уточнена. 24 марта нарком В. М. Молотов направил послу СССР в Лондоне Ф. Т. Гусеву телеграмму, в которой ему поручалось внести в Комиссию по изучению процедуры расчленения Германии следующее предложение: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». В этой связи послу Ф. Т. Гусеву предлагалось принять английские предложения директивы работы комиссии. Далее нарком пояснял: «Как Вам, тов. Гусев, известно, англичане и американцы, которые первые поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, нужно внести указанное выше предложение»¹⁰.

Второе совещание Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии состоялось 11 апреля 1945 г. в Лондоне. Все члены комиссии согласились с довольно обтекаемым проектом директивы, выработанной британским представителем У. Стрэнгом, и «с интерпретацией советским представителем решений Крымской конференции по вопросу о расчленении Германии»¹¹. После этого совещания комиссия больше не собиралась вплоть до своего роспуска в августе 1945 г.

Отказ СССР от расчленения Германии был закреплен в обращении И. В. Сталина к советскому народу 9 мая 1945 г. Глава советского правительства заявил: «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»¹².

К марту 1945 г. стало ясно, что значительная часть территории Германии будет занята советскими войсками. С учетом этой перспективы стали разрабатываться планы использования в советских интересах немцев-антифашистов. Неслучайно И. В. Сталин в середине марта говорил заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитрову: «Нужно, чтобы появились немцы, которые бы действовали, чтобы то, что еще можно, спасти для жизни немецкого народа. Организовать муниципалитет, наладить хозяйственную жизнь и прочее на занятых и занимаемых Красной армией немецких территориях. Создать местные органы управления, из которых впоследствии вышло бы и германское правительство»¹³.

Тогда же Г. Димитров и его заместитель А. С. Панюшкин направили В. М. Молотову и Г. М. Маленкову записку об организации и содержании политической работы в Германии в связи с продвижением Красной армии. Ее политорганы должны были сосредоточить в своих руках руководство пропагандой, которую предлагалось вести по двум направлениям: от имени Красной армии и от имени немцев-антифашистов. Рупором немецких антифашистов призвана была стать вновь организуемая газета. 29 марта Г. Димитров направил В. М. Молотову докладную записку, содержащую «список первой группы немецких военнопленных антифашистов, которые могли бы быть использованы по созданию органов управления на занятой Красной армией территории Германии»¹⁴.

Кроме того, имелось еще одно соображение, весомое для советского руководства, — решение вопроса о репарациях с Германии. Характерно, что на первом заседании Комиссии по изучению процедуры расчленения Германии американский представитель Дж. Вайнант поставил вопрос о соотношении этих двух предложений: о репарациях с Германии и о расчленении Германии. По информации посла Ф. Т. Гусева, «Вайнант заявил, что если мы верим в то, что можно получить репарации с Германии, то невозможно это предложение сочетать с расчленением Германии»¹⁵.

25 февраля 1945 г. при Государственном Комитете Обороны был создан Особый комитет по Германии под руководством Г. М. Маленкова. Этот комитет, не связанный с НКВД, организовал учет и вывоз военных трофеев и репараций с оккупированных Красной армией немецких территорий¹⁶.

Доведение до победного завершения вооруженной борьбы против фашистской Германии требовало сохранения антигитлеровской коалиции. Советское руководство считало, что

К. Вольф

А. Даллес

решения Крымской конференции создавали для этого благоприятные предпосылки. Вместе с тем приближение победы над общим врагом усиливало взаимную подозрительность и недоверие. Еще в январе 1945 г. заместитель наркома М. М. Литвинов в специальной записке «О взаимоотношениях с США» отмечал: «Воздействие на общественное мнение будет влиять в ту и другую сторону на характер и длительность тех трений между обеими странами, которые могут оказаться неизбежными»¹⁷.

С другой стороны, в США набирала силу линия на противодействие росту влияния СССР в послевоенном мире. В начале апреля 1945 г. в американском управлении стратегических служб был подготовлен меморандум «Проблемы и цели политики США». «Документ представлял собой серьезный аналитический материал, содержащий новые политические ориентиры для всей глобальной стратегии США на послевоенное время. По своему содержанию он предвосхищал стратегию «сдерживания» СССР как главной потенциальной «угрозы» интересам США в послевоенном мире и создание «центров силы» в Европе и Азии под американской эгидой как путь противодействия этой угрозе»¹⁸.

Это нарастание взаимного недоверия в полной мере проявилось в бернском инциденте в марте — апреле 1945 г. Речь шла о секретных переговорах, которые велись в Швейцарии главным представителем СС в Италии генералом К. Вольфом и одним из руководителей американской разведки А. Даллесом. Контакты в Швейцарии были санкционированы президентом Ф. Рузвельтом. Обергруппенфюрер СС К. Вольф прибыл в Берн не только с целью установить контакт с американцами, но и для обсуждения конкретной программы вывода из войны американских сил на севере Италии, которую он изложил партнерам по переговорам¹⁹. Предполагалось продолжить переговоры с представителями командующего группой союзных армий в Италии британского фельдмаршала Г. Александера.

12 марта В. М. Молотов получил от послов Великобритании и США краткую информацию о контактах в Берне, запросивших мнение советского правительства по этому вопросу. Через несколько дней В. М. Молотов писал А. Гарриману: «В тот же день, 12 марта, я сообщил Вам, что советское правительство не возражает против переговоров с генералом Вольфом в

Берне с тем, чтобы в этих переговорах приняли участие офицеры, представляющие советское военное командование»²⁰. При этом советское руководство надеялось, что правительство Соединенных Штатов положительно воспримет это предложение.

Однако в американских правящих кругах возобладало отрицательное отношение к участию советских представителей в переговорах с К. Вольфом. А. Гарриман сразу же рекомендовал Вашингтону отклонить советское предложение на том основании, что в Берне осуществлялись лишь предварительные контакты по конкретным военным вопросам. Посол советовал занять жесткую позицию в отношении подключения советских представителей к переговорам: «Русские на нашем месте никогда не пригласили бы западных представителей и расценят наше согласие как признак слабости, поощряющий к новым требованиям»²¹. Президент Ф. Рузвельт поддержал эту позицию, не без оснований рассматривая Италию как сферу влияния западных держав.

Получив 16 марта американский отказ, В. М. Молотов реагировал на него резко отрицательно. В тот же день в письме послу А. Гарриману он утверждал: «Отказ правительства США в участии советских представителей в переговорах в Берне явился для советского правительства совершенно неожиданным и непонятным с точки зрения союзных отношений между нашими странами». Советское правительство отказывалось дать свое согласие на контакты в Берне и требовало прекратить уже начатые переговоры²². Еще более жестким было письмо наркома послу А. Гарриману от 22 марта, в котором В. М. Молотов заявил: «Таким образом, в Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования с одной стороны и представителями английского и американского командования с другой. Советское правительство считает это совершенно недопустимым и настаивает на своем заявлении, изложенном в моем письме от 16 марта сего года»²³.

Столь жесткая советская реакция объяснялась отчасти и тем, что на заключительном этапе войны немцы оказывали упорное сопротивление на восточном фронте и не вели активных боевых действий на западном. К тому же И. В. Сталин опасался какого-либо сговора лидеров западных союзников с немцами, который лишил бы его плодов победы, добытой колоссальным напряжением всех сил советской страны и громадными человеческими потерями. И как свидетельствует замысел У. Черчилля в отношении возможной военной конфронтации с СССР, его опасения не были беспочвенными²⁴. В мае 1945 г. объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании подготовил по поручению У. Черчилля план экстренной операции «Немыслимое», где были сформулированы цели, направления возможных ударов западных союзников против Красной армии и вероятные результаты операции. Общий вывод британского военного руководства довольно пессимистично заключал: невозможность достижения «быстрого ограниченного успеха» и угроза втягивания «в длительную войну против превосходящих сил»²⁵.

Сам британский премьер хорошо понимал обеспокоенность И. В. Сталина. 23 марта У. Черчилль писал А. Идену: «Я хорошо понимаю встревоженность русских тем, что принятие нами капитуляции (немцев. — *Прим. ред.*) на западе или юге ликвидирует сопротивление нашим армиям, которые дойдут до Эльбы или даже Берлина прежде медведя»²⁶.

Именно в обстановке кризиса в советско-американских отношениях, вызванного бернским инцидентом и обострением разногласий по польскому вопросу, в Москве было принято решение существенно понизить уровень советской делегации на конференции по учреждению Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско и не посылать В. М. Молотова в США²⁷.

Тем временем представители Вашингтона и Лондона попытались продолжить переговоры с представителями германского командования в Италии. Встреча состоялась 19 марта в маленьком швейцарском городке Асконе. Главный итог конференции в Асконе заключался в том, что она породила надежды на возможность скорого прекращения военных действий немцев на юге и западе и заключение сепаратного мира²⁸. Однако после этого швейцарские переговоры стали давать сбой.

В третьей декаде марта обсуждение бернского инцидента переместилось на самый высший уровень. 25 марта президент Ф. Рузвельт направил маршалу И. В. Сталину послание, в котором старался всячески преуменьшить значение контактов в Берне, утверждая, что речь шла только о проверке сообщения о возможности капитуляции части или всей германской армии, находящейся в Италии²⁹.

Глава советского правительства ответил 29 марта весьма жестким посланием: «Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Александером. Это обстоятельство нервирует советское командование, создает почву для недоверия». Далее И. В. Сталин утверждал, что немцы имеют далеко идущие замыслы: «сдаться в плен и открыть фронт союзным войскам». Послание И. В. Сталина завершалось критикой в адрес руководства США: «Должен Вам сказать, что если бы на восточном фронте где-либо на Одере создались аналогичные условия возможности капитуляции немцев и открытия фронта советским войскам, я бы не преминул немедленно сообщить об этом англо-американскому военному командованию и попросить его прислать своих представителей для участия в переговорах, ибо у союзников в таких случаях не должно быть друг от друга секретов»³⁰. В этом послании Ф. Рузвельту И. В. Сталин ясно сформулировал свои опасения сепаратных договоренностей с германским командованием, которые позволили бы немцам открыть фронт западным союзникам и сдаться им в плен.

Тем временем переговоры в Швейцарии были завершены. В послании И. В. Сталину, полученном 1 апреля, Ф. Рузвельт продолжил усилия, направленные на то, чтобы преуменьшить значение бернского инцидента: «Никаких переговоров о капитуляции не было, и если будут какие-либо переговоры, то они будут вестись в Казерте все время в присутствии Ваших представителей... Я должен повторить, что единственной целью встречи в Берне было установление контакта с компетентными германскими офицерами, а не ведение переговоров какого-либо рода»³¹.

Однако И. В. Сталин был не склонен закрыть бернский инцидент. 3 апреля он лично написал послание Ф. Рузвельту, наиболее жесткое в ходе обмена мнениями с президентом США по этому вопросу: «Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они на основании имеющихся у них данных не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кёссельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия... И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США. Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами»³².

В ответном послании, которое было получено 5 апреля, президент США писал: «Будучи убежден в том, что Вы уверены в моей личной надежности и в моей решимости добиться вместе с Вами безоговорочной капитуляции нацистов, я удивлен, что советское правительство, по-видимому, прислушалось к мнению о том, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сначала Вашего полного согласия»³³.

В ответ И. В. Сталин избрал более примирительный тон. 7 апреля он писал Ф. Рузвельту: «Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля. У меня речь идет о том, что в ходе переписки между нами обнаружилась разница во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе... Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми»³⁴.

Бернский инцидент был полностью закрыт посланием президента Ф. Рузвельта, полученным 13 апреля: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы»³⁵.

Каковы же были причины столь болезненной реакции И. В. Сталина на бернский инцидент? Советское руководство имело основания не доверять союзникам в этом вопросе, располагая обильной информацией о происходящем в Берне и других тайных контактах союзников с немцами, в том числе через различных посредников. Агенты и информаторы советской разведки в управлении стратегических служб, в Лондоне, Париже, столицах нейтральных государств регулярно сообщали о многочисленных «мирных происках» немецкой агентуры с целью достижения сепаратных соглашений с западными союзниками на завершающем этапе войны³⁶. Накладываясь на повышенную нервозность финала изнурительной войны, эта обильная информация создавала у советского руководства крайне негативный контекст восприятия бернского инцидента.

Послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту выявляют искреннее беспокойство советского лидера в связи с быстрым продвижением войск западных союзников на запад. Не достигли ли они какого-то соглашения с немцами? В начале апреля 1945 г. эта проблема была для руководства СССР чрезвычайно актуальной в связи с вопросом, кто первым овладеет столицей Германии. По соглашениям союзников, Берлин входил в советскую зону оккупации, и главнокомандующий требовал от советских военачальников энергичных действий по организации его штурма.

Однако и союзники не отказались полностью от идеи взять Берлин. Позднее маршал Г. К. Жуков отмечал: «Хотя между американскими и английскими политическими и военными деятелями не было единства в стратегических целях на завершающем этапе войны, само верховное командование экспедиционными силами союзников не отказалось от мысли при благоприятной обстановке захватить Берлин. Так, 7 апреля 1945 г., информируя объединенный штаб союзников о своем решении относительно завершающих операций, генерал Дуайт Эйзенхауэр говорил о своей готовности продвигаться на Берлин, если это будет возможно без больших потерь. Он заявил: «Я первый согласен с тем, что война ведется в интересах достижения политических целей, и если объединенный штаб решит, что усилия союзников по захвату Берлина перевешивают на этом театре чисто военные соображения, я с радостью исправлю свои планы и свое мышление так, чтобы осуществить такую операцию»³⁷.

Упомянутое выше послание американского президента советскому лидеру, полученное в Москве 13 апреля, стало последним в переписке Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным. Вечером 12 апреля 1945 г. президент США Ф. Рузвельт скончался. Американское посольство в Москве получило информацию о смерти президента в ночь на 13 апреля. Нарком В. М. Молотов высказал пожелание сразу же, ночью, посетить посла США. В своем докладе в Вашингтон об этом визите А. Гарриман отмечал, что В. М. Молотов «казался очень расстроенным и взволнованным... Я никогда не видел его таким искренним».

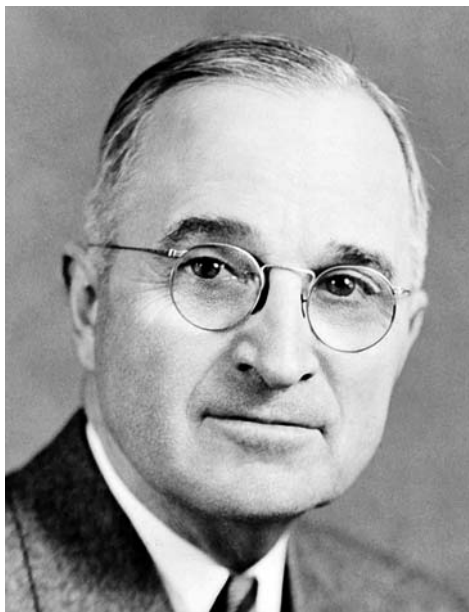
Вечером того же дня А. Гарримана принял И. В. Сталин. Посол информировал советского лидера об обстоятельствах смерти Ф. Рузвельта и о его преемнике — президенте Г. Трумэне. При этом американский посол заверял, что Г. Трумэн будет продолжать внешнюю политику Ф. Рузвельта. И. В. Сталин ответил: «Советское правительство полагает, что Трумэн будет продолжателем дела Рузвельта. Со своей стороны, советское правительство окажет ему в этом поддержку всеми своими силами»³⁸. Опытный дипломат А. Гарриман использовал благоприятный момент, чтобы вернуться к вопросу о поездке В. М. Молотова в США для участия в конференции по учреждению Организации Объединенных Наций. Соблазн продемонстрировать стремление к сотрудничеству с новым президентом и получить о нем информацию через В. М. Молотова перевесил все возражения — И. В. Сталин обещал А. Гарриману организовать поездку наркома на конференцию в Сан-Франциско. На следующий день В. М. Молотов в письме А. Гарриману подтвердил планы своего вылета в США.

Похороны Ф. Рузвельта

Советский лидер был искренне огорчен кончиной своего партнера по большой тройке. Для руководства СССР Ф. Рузвельт был в это время, пожалуй, наилучшим американским президентом. В соболезновании И. В. Сталина президенту Г. Трумэну говорилось: «Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»³⁹. Тон, заданный И. В. Сталиным, был подхвачен и развит советской пропагандой. «Мы потеряли одного из величайших государственных деятелей, которых когда-либо знал мир, и великого человека», — заявил посол СССР в США А. А. Громыко. Советские газеты писали о Ф. Рузвельте: «величайший политик мирового масштаба», «выдающийся борец за дело демократии и прогресса»⁴⁰.

Новый президент США Г. Трумэн занял более жесткую позицию в отношении Советского Союза, в первую очередь в связи с развитием событий в Восточной Европе. Странники ужесточения курса в отношении СССР незамедлительно воспользовались сложившейся обстановкой. 11 мая 1945 г. президент Г. Трумэн подписал директиву о немедленном прекращении запланированных поставок Советскому Союзу. На следующий день была не только остановлена погрузка судов в американских портах, но и повернуты суда, уже направлявшиеся в СССР. Правда, решение о немедленном прекращении всех поставок по ленд-лизу было быстро пересмотрено, однако советской стороной этот эпизод воспринимался не как недоразумение, а как проявление стремления оказать нажим на СССР, используя финансово-экономические рычаги⁴¹.

Г. Трумэн

Встреча советских и американских войск на Эльбе. Апрель 1945 г.

Майор 58-й гвардейской стрелковой дивизии и солдаты 69-й пехотной дивизии США на берегу реки Эльба в Торгау

Советские военнослужащие фотографируются с американцами во время встречи на Эльбе

Мост Трумэна через Эльбу

Советские военнослужащие на берегу реки встречают прибывающих американцев

И все же антигитлеровская коалиция выстояла до победоносного завершения вооруженной борьбы против блока агрессоров. Наступление армий союзников с востока и с запада приближало их соединение на территории Германии. 25 апреля войска 1-го Украинского фронта вышли к реке Эльбе в районе германского города Торгау, где они встретились с подходившими с запада частями 1-й американской армии. По предложению У. Черчилля лидеры трех союзных держав подготовили обращения к войскам по случаю этого события. В связи со встречей на Эльбе Верховный главнокомандующий маршал И. В. Сталин обратился с приветствием к Красной армии и войскам союзников: «Победоносные армии союзных держав, ведущих освободительную войну в Европе, разгромили германские войска и соединились на территории Германии. Наша задача и наш долг добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать. Эту задачу и этот долг перед нашим народом и перед всеми свободолюбивыми народами Красная армия выполнит до конца. Приветствую доблестные войска наших союзников, стоящие теперь на территории Германии плечом к плечу с советскими войсками и преисполненные решимости выполнить свой долг до конца»⁴².

А. Гитлер 30 апреля покончил жизнь самоубийством. В ночь на 2 мая немецкий гарнизон Берлина во главе с генералом Г. Вейдлингом капитулировал. Советские войска полностью овладели столицей Германии. Фашистская Германия потерпела тотальное военное поражение, ее государственное и военное руководство согласилось на безоговорочную капитуляцию всех своих вооруженных сил. К сожалению, при организации подписания этого акта его англо-американские инициаторы игнорировали развернутый документ о капитуляции, подготовленный Европейской консультативной комиссией. Условия капитуляции, разработанные ЕКК при активном участии советской дипломатии, означали слом фашистской государственной машины и уничтожение милитаризма, что в новых условиях представлялось У. Черчиллю и главнокомандующему союзными экспедиционными силами в Европе отнюдь не обязательным. Попытка отказа от уже согласованного документа в деле подписания капитуляции была одним из первых шагов на пути отхода от сотрудничества с СССР в решении послевоенных вопросов, в частности германской проблемы⁴³.

7 мая в 2 часа 30 минут представитель верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-полковник А. Йодль по поручению главы правительства гросс-адмирала К. Дёница подписал в Реймсе, в штабе верховного главнокомандующего силами союзников в Западной Европе генерала Д. Эйзенхауэра, протокол о полной капитуляции германских вооруженных сил. Это был краткий документ о военной капитуляции. От Советского Союза документ подписал начальник советской военной миссии в Париже генерал-майор И. А. Сулопаров. Правда, при этом была сделана оговорка, позволявшая заменить подписанный протокол более общим документом о капитуляции, принятым союзными государствами.

В тот же день И. В. Сталин сообщил по телефону Г. К. Жукову в Берлин: «Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед верховным командованием союзных войск. Я не согласился с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители верховного командования союзных войск. Представителем Верховного главнокомандования советских войск назначаетесь вы»⁴⁴.

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, который привез всю необходимую документацию. В середине дня прибыли представители верховного командования союзных войск: британский маршал авиации Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. Делатре Тассиньи. В Берлин были доставлены также германские военачальники: генерал-фельдмаршал В. Кейтель, адмирал флота Х. фон Фридебург, генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Они имели полномочия от ставшего рейхспрезидентом гросс-адмирала К. Дёница подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Подписание капитуляции Германии в Реймсе. 7 мая 1945 г.

Генерал-майор И. А. Суслопаров пожимает руку Д. Эйзенхауэру на подписании Акта о капитуляции Германии в Реймсе

Церемония подписания акта о капитуляции началась в полночь 8 мая в зале бывшего немецкого военно-инженерного училища в Карлсхорсте, в восточной части Берлина. Руководил церемонией маршал Г. К. Жуков. Представители верховных командований вооруженных сил СССР и союзных войск заняли места за столом у стены зала. За длинными столами, покрытыми зеленым сукном, в зале сидели генералы Красной армии. На церемонии также присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты.

Г. К. Жуков открыл заседание и распорядился пригласить в зал представителей германского главного командования. Немцев посадили за отдельный стол, недалеко от входа. В. Кейтель подтвердил готовность подписать Акт о безоговорочной капитуляции и предъявил документ о полномочиях германских представителей, подписанный К. Дёницем. Маршал Г. К. Жуков предложил немцам подойти к столу союзников и подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Фельдмаршал В. Кейтель и генерал-полковник Г. Штумпф подписали подготовленный документ, и после этого германским представителям было предложено покинуть зал. Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии было закончено в 00 часов 43 минуты 9 мая 1945 г.⁴⁵ В Советском Союзе 9 мая было объявлено праздником Победы.

Подписав этот документ, немецкие представители согласились на безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил Германии на суше, на море и в воздухе. Был отдан приказ всем германским вооруженным силам прекратить военные действия в полночь 8 мая 1945 г., оставаться на своих местах и полностью разоружиться. Германское верховное командование обязалось обеспечить выполнение всех приказов верховных командований Красной армии и союзных экспедиционных сил. Подписанный акт не мог служить препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени⁴⁶.

В обращении И. В. Сталина к советскому народу 9 мая говорилось: «Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами... С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»⁴⁷

Советское руководство настойчиво выступало за реализацию согласованных решений союзников об управлении побежденной Германией. Однако на западе страны в городе Фленсбурге еще некоторое время существовало нацистское правительство гросс-адмирала К. Дёница, которого А. Гитлер, уходя из жизни, назначил рейхспрезидентом. Обосновавшись недалеко от границы с Данией, К. Дёниц сформировал свое правительство и пытался продолжить вооруженную борьбу, в первую очередь «во имя спасения возможно большего числа немцев от большевиков». Несмотря на подписание акта о капитуляции фленсбургское правительство продолжало действовать, и это обстоятельство вызывало беспокойство и недовольство в Москве.

20 мая советское правительство предприняло резкий демарш против функционирования фленсбургского правительства. Тогда же И. В. Сталин, обращаясь к В. М. Молотову, сказал: «Нужно ускорить отправку нашей делегации в Контрольную комиссию, которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Дёница, немецких генералов и офицеров»⁴⁸. В. М. Молотов заверил И. В. Сталина, что советская делегация на следующий день отправится в Германию. Советские требования оказали воздействие на позицию западных союзников. 23 мая британские власти во Фленсбурге выполнили приказ генерала Д. Эйзенхауэра распустить правительство К. Дёница, арестовать всех его членов и представителей германского верховного командования.

Подписание Акта о капитуляции Германии. В. Кейтелю подают текст Акта. г. Берлин, 8 мая 1945 г.

В июне после некоторых колебаний президент Г. Трумэн все же не последовал призывам У. Черчилля не отводить американские войска с территории советской зоны оккупации. Соглашение о зонах оккупации в Германии и об управлении районом Большого Берлина стало реализовываться. В конце мая было объявлено о создании Контрольного совета из представителей верховного командования четырех союзных держав, призванного «осуществлять высшую власть в Германии на время оккупации»⁴⁹.

Тем временем 12 мая в ЕКК была одобрена «Декларация о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами четырех союзных держав» (утверждена СССР 19 мая)⁵⁰. 5 июня в Берлине маршал Г. К. Жуков, генерал Д. Эйзенхауэр, фельдмаршал Б. Л. Монтгомери и генерал Ж. Делатр де Тассиньи, имея полномочия своих правительств, подписали эту декларацию, констатирующую полное поражение и безоговорочную капитуляцию германских вооруженных сил. Четыре союзные державы подчеркнули: «В Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и выполнение требований держав-победительниц». В этих условиях правительства четырех союзных держав заявили, что они «берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство, или власть. Взятие на себя такой власти, прав и полномочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии». Правительства четырех оккупирующих Германию держав обязались впоследствии установить границы Германии или любой ее части.

АКТ О ВОЕННОЙ КАПИТУЛЯЦИИ.

1. Мы, ниже подписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил находящихся в настоящее время под немецким командованием, - Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных Экспедиционных сил.

2. Германское Верховное командование немедленно издает приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23-01 час по Центрально-Европейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзных Верховных Командований, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3.-

Подписано 8 мая 1945 года в гор. БЕРЛИНЕ.

От имени Германского Верховного Командования:

Alfred Jodl
В присутствии: *Walter Diewert*

По уполномочию Верховного
Главнокомандования Красной
Армии

МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Г. ЖУКОВА *G. Zhukov*

По уполномочию Верховного
Командующего экспедиционными
силами Союзников

ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ

ТЕДДЕРА *W. Diederichs*

При подписании также присутствовали в качестве
свидетелей:

Командующий Стратегическими
Воздушными Силами США

ГЕНЕРАЛ

СПААТС

Carl Spaatz

Главкомандующий Французской
Армией

ГЕНЕРАЛ ДЕЛАТРЕ

де ТАССИНЬИ

J. de Lattre Tassigny

Акт о военной капитуляции Германии (последний лист)

Далее в декларации раскрывались требования четырех правительств к Германии. Все германские вооруженные силы должны были прекратить вооруженные действия, разоружиться и оставаться в местах своей дислокации. Это же требование относилось к германским самолетам, военно-морским кораблям и торговым судам. Все предприятия военно-промышленного комплекса, а также все военные установки и разработки должны были быть предоставлены в распоряжение союзников в целостности и сохранности. Все военнопленные союзных держав должны были быть освобождены. Главных нацистских лидеров предлагалось арестовать и передать представителям союзников. Правительства союзных держав заявили о готовности осуществить полное разоружение и демилитаризацию Германии. В декларации объявлялось: «Представители союзников навязуют Германии дополнительные политические, административные, экономические, финансовые, военные и другие требования, возникающие в результате полного поражения Германии»⁵¹.

На следующий день было опубликовано краткое изложение соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о контрольном механизме в Германии, зонах оккупации Германии и управлении районом Большого Берлина⁵².

Декларация четырех держав-победительниц от 5 июня намечала согласованный курс на демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии. Для реализации намеченной программы действий создавался Контрольный совет из четырех главнокомандующих, призванный совместно решать вопросы, затрагивающие Германию в целом. Управление районом Большого Берлина возлагалось на Межсоюзническую комендатуру. В свою очередь, советское руководство сформировало Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) по управлению советской зоной оккупации. Главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главноначальствующим СВАГ был назначен маршал Г. К. Жуков.

Принятие важных решений союзников по германской проблеме способствовало согласованию их позиций и по существенным аспектам австрийского вопроса. Правда, ситуация в Австрии отличалась от положения в Германии. Еще на Московской конференции министров иностранных дел трех держав была принята «Декларация об Австрии». Союзники подчеркнули, что «они рассматривают присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 года, как несуществующее и недействительное». Они заявили о том, что желают видеть Австрию свободной и независимой и тем самым дать возможность австрийскому народу, как и другим соседним государствам, определиться с собственной политической и экономической безопасностью⁵³.

Немаловажным было и то, что после освобождения Вены советскими войсками в столице Австрии 27 апреля при согласии СССР было образовано коалиционное временное правительство во главе с социал-демократом К. Реннером. Вашингтон пытался добиться согласования вопроса об австрийском правительстве между четырьмя союзными державами. В ответ Москва заявила, что «советские войска, ведущие на территории Австрии борьбу против немецких захватчиков, не могут обойтись без организации на освобожденной территории Австрии управления из местных людей»⁵⁴. Конечно, в Москве рассчитывали на формирование в Австрии дружественного СССР режима, при котором австрийские коммунисты могли бы принять активное участие в управлении страной, однако стремления «коммунизировать» Австрию у советского руководства не было. Для СССР приоритет состоял в том, чтобы отделить Австрию от Германии и создать надежные барьеры на пути к аншлюсу в любой форме. Кроме того, Австрия не входила в пояс безопасности непосредственно на границах Советского Союза. Характерно, что в январе 1945 г. заместитель наркома М. М. Литвинов в своей записке о блоках и сферах влияния включил Австрию в нейтральную зону⁵⁵.

В июле 1945 г. в ЕКК были выработаны соглашения о контрольном механизме в Австрии, зонах оккупации в этой стране и управлении ее столицей Веной. Австрия была разделена на четыре зоны оккупации, а Вена оккупирована совместно вооруженными силами четырех держав-победительниц. Создавалась Союзническая комиссия по Австрии, перед которой были поставлены следующие основные задачи:

«а) добиться отделения Австрии от Германии;

- b) обеспечить скорейшее создание центрального австрийского административного аппарата;
- c) подготовить почву для образования свободно избранного австрийского правительства;
- d) обеспечить до того времени поддержание удовлетворительного административного управления в Австрии»⁵⁶.

Дальнейшее развитие событий показало, что решения, принятые летом 1945 г., обеспечили развитие Австрии в качестве независимого демократического государства.

СССР и Чехословакия

Важным направлением внешней политики СССР рассматриваемого периода было развитие отношений со странами Восточной и Юго-Восточной Европы и формирование советской сферы влияния в этом регионе. Особое место при этом отводилось Чехословакии. Еще в декабре 1943 г. был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Союзные отношения с Чехословакией рассматривались в Москве как важный инструмент укрепления позиций СССР в Восточной Европе. С другой стороны, руководство Чехословакии во главе с президентом Э. Бенешем реалистично оценивало возрастание влияния СССР в послевоенной Европе и выступало за достижение взаимопонимания с Москвой. Еще в 1942 г. Э. Бенеш доказывал польскому деятелю В. Сикорскому, что «надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной армией»⁵⁷. К концу войны это убеждение Э. Бенеша только окрепло, поэтому он выбрал путь из Лондона на родину через Москву.

Президент Э. Бенеш с сопровождавшей его группой лиц находился в столице СССР с 17 по 31 марта 1945 г. По прибытии в Москву он сделал следующее заявление: «Наш путь на родину, освобождаемую героическим усилием Красной армии и всех наших союзников, ведет через Москву. Это подчеркивает еще большее значение нашей общей дружбы и наших союзнических отношений»⁵⁸. Во время пребывания в Москве Э. Бенеш имел встречи и беседы с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и другими советскими деятелями. Чехословацкая сторона выразила пожелание в ходе переговоров руководителей двух стран обсудить следующие вопросы: границы Чехословакии с Германией, Венгрией и Польшей; выдворение из Чехословакии немецкого и венгерского населения; Карпатская Украина; хозяйственное положение на освобожденной территории страны; чехословацкая доля в репарациях с Венгрии; вопросы транспорта; дальнейшая организация чехословацкой армии; взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией; политика СССР и ЧСР в отношении Германии; дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР⁵⁹.

Стремление чехословацкого руководства добиться возвращения страны к доюнкенским границам не вызвало каких-либо возражений со стороны И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вопрос о выдворении из Чехословакии немецкого и венгерского населения оказался более сложным. В. М. Молотов попросил уточнений, о каком количестве населения идет речь. Президент ЧСР пояснил, что имеется в виду выселить из Чехословакии не менее 2 млн немцев и до 400 тыс. венгров. В принципе, СССР положительно относился к этим пожеланиям руководства ЧСР о перемещении населения⁶⁰.

Во время войны президент Э. Бенеш неоднократно заявлял о своей готовности согласиться на включение Закарпатской Украины в состав СССР, чтобы обеспечить Чехословакии общую границу с Советским Союзом. В письме И. В. Сталина Э. Бенешу от 23 января 1945 г. говорилось: «Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решить. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны, когда это найдут целесообразным оба правитель-

ства. Прошу верить, что у советского правительства нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой Республики и ее престижу. Наоборот, советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле ее освобождения и восстановления»⁶¹. Эти договоренности были подтверждены в Москве в марте 1945 г. При этом советская сторона настояла на обмене письмами между Э. Бенешем и И. В. Сталиным, при котором президент ЧСР подтвердил обещание передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу. В беседе с В. М. Молотовым 24 марта Э. Бенеш отметил важность присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу, во-первых, потому что «СССР станет соседом с Венгрией, во-вторых, он перейдет за Карпаты»⁶².

В ходе бесед с Э. Бенешем И. В. Сталин предложил трансформировать чехословацкий корпус в армию. СССР готов был предоставить вооружение для 10 дивизий этой армии.

Переговоры Э. Бенеша в Москве проходили в духе заверений И. В. Сталина о готовности оказать всяческое содействие в деле освобождения и восстановления Чехословакии. Помимо вопросов, поставленных Э. Бенешем, в Москве обсуждались формирование нового правительства Чехословакии и его программа. Из 25 членов нового правительства семеро представляли коммунистов, трое — социал-демократов, трое — чешских социалистов, четверо — словацких демократов, трое — народную (католическую) партию, а пятеро были беспартийными. Возглавил правительство близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер. Коммунисты получили важные посты двух вице-премьеров⁶³.

Был принят проект программы будущего правительства. Во внешнеполитическом разделе программы говорилось: «Выражая безграничную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неизменной ведущей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной великой славянской державой на востоке». Предусматривалось установление союзнических отношений со славянскими странами: Польшей, Югославией и Болгарией; проведение курса на поддержку стремления к сближению «новой и подлинно демократической Венгрии, а также независимой и демократической Австрии с соседними славянскими народами и государствами»⁶⁴.

В целом визит Э. Бенеша в Москву подтвердил особую роль Чехословакии в антигитлеровской коалиции. Был закреплен курс на укрепление отношений СССР с Чехословацкой Республикой.

Готовность Советского Союза оказать содействие в освобождении Чехословакии от германских оккупантов была подтверждена в ходе Пражской наступательной операции советских войск, осуществленной 6–11 мая 1945 г. Территория Чехословакии была полностью очищена от немецких захватчиков.

К вопросу о судьбе Закарпатской Украины стороны вернулись после завершения войны в Европе, летом 1945 г. В ходе переговоров делегации Чехословакии в Москве в июне был согласован текст соответствующего договора. И. В. Сталин поставил вопрос о заключении этого договора в ходе беседы с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером в Кремле 28 июня. З. Фирлингер информировал, «что текст договора уже почти согласован и что речь идет сейчас только о некоторых статьях протокола к договору». И. В. Сталин поинтересовался, удобно ли сейчас чехословацкому правительству подписывать этот договор, заметив: «Мы не торопим вас. Как вы считаете удобным, так и поступайте в данном случае». З. Фирлингер ответил, что «чехословацкое правительство считает момент для оформления договора подходящим и поэтому само внесло предложение о подписании договора»⁶⁵.

Договор между СССР и ЧСР о Закарпатской Украине был подписан в Москве 29 июня 1945 г. По этому договору Закарпатская Украина в соответствии с пожеланием ее населения и на основании дружественного соглашения между двумя договаривающимися государствами воссоединялась с Советской Украиной и включалась в состав УССР⁶⁶. В результате мирного присоединения Закарпатской Украины с городами Ужгород и Мукачево СССР получил границу с Чехословакией и Венгрией. Таким образом, Советский Союз завершил Великую Отечественную войну, имея с Чехословакией отношения дружбы, сотрудничества и взаимопомощи.

Польский вопрос

Советское руководство прилагало энергичные усилия, чтобы добиться приемлемых для СССР решений по польскому вопросу. Напряженные дискуссии о Польше, проходившие на конференции в Ялте, завершились принятием компромиссного соглашения, согласно которому действующее в Польше временное правительство должно было быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением деятелей как из самой Польши, так и поляков из-за границы⁶⁷. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявили о готовности признать новое правительство сразу после его создания. Учреждалась комиссия в составе наркома В. М. Молотова, послов А. Гарримана и А. Керра для проведения в Москве консультаций с членами временного правительства и другими польскими демократическими деятелями с целью реализации принятого в Ялте решения.

Ситуация в самой Польше была чрезвычайно сложной. Временное правительство нуждалось в росте общественной поддержки и международном признании. Отсюда его готовность принять рекомендации великих держав о расширении состава правительства. С другой стороны, шансы эмигрантского правительства на возвращение в страну становились все более иллюзорными, а борьба ориентировавшегося на него антикоммунистического подполья — все более бесперспективной. Среди лондонских поляков распространялось реалистическое понимание сложившейся ситуации.

Созданная в Ялте трехсторонняя комиссия не смогла играть роль нейтрального посредника для организации переговоров между различными группировками поляков. С самого начала ее работы начались споры о том, каких польских деятелей следует пригласить для предварительных консультаций. Жесткая советская позиция была намечена уже в предложениях А. Я. Вышинского по польскому вопросу, представленных В. М. Молотову 16 февраля. Предлагалось выделить демократическим деятелям из Польши и из-за границы пять мест из двадцати в будущем правительстве (трое из страны и двое из-за границы). Обсуждение всех вопросов в трехсторонней комиссии должно было проходить с участием лидеров люблинских поляков: Б. Берута, Э. Осубка-Моравского и М. Роля-Жимерского. С этими же деятелями предлагалось согласовать список кандидатов в состав правительства⁶⁸. Тем самым руководители действовавшего временного правительства фактически получали право решающего голоса при его реорганизации.

Не менее жесткую позицию занимал В. М. Молотов. В период подготовки признания Москвой временного правительства Польши (в самом начале января 1945 г.) он так сформулировал свои замечания: «Польша — большое дело! Но как организовывали правительства в Бельгии, Франции, Греции и т. д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т. к. это зона действий англо-американских войск»⁶⁹. Тем самым В. М. Молотов стремился реализовать на практике ту концептуальную установку, которую сформулировал И. В. Сталин во время ужина с югославскими коммунистами в апреле 1945 г.: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может»⁷⁰. Польша непременно включалась Москвой в советскую сферу влияния с установлением в ней близкого социально-политического строя. В начале марта 1945 г. И. В. Сталин говорил маршалу Г. К. Жукову: «Черчилль хочет, чтобы с Советским Союзом граничила буржуазная Польша, чуждая нам, а мы этого допустить не можем. Мы хотим раз и навсегда иметь дружественную нам Польшу, этого хочет и польский народ»⁷¹.

СССР последовательно поддерживал временное правительство Польши. Сразу после окончания Крымской конференции в Москву была приглашена делегация этого правительства, которую ознакомили с решениями, принятыми в Ялте, и с постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 февраля по вопросам Польши. В документе ГКО говорилось: «Впредь до окончательного определения западных и северных границ Польши на будущей мирной конференции западную границу Польши следует считать по линии

западнее Свиномюнде до реки Одер с оставлением города Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до реки Нейсе (западной) и отсюда по реке Нейсе (западной) до чехословацкой границы»⁷². Тем самым к Польше отходили германские территории вплоть до реки Западная Нейсе, бóльшая часть Восточной Пруссии (за исключением города Кёнигсберга с прилегающим районом), балтийское побережье, включая Данциг и Штеттин. Советская поддержка польских территориальных притязаний закрепляла внешнеполитическую ориентацию Польши на СССР.

Во время приема В. М. Молотовым делегации временного правительства Польши 20 февраля нарком подчеркнул значение предстоявших в трехсторонней комиссии переговоров, «поскольку переговоры будут идти об очень важном, по существу, главном вопросе»⁷³. Трехсторонняя комиссия, сформированная в Ялте, начала свою работу 23 февраля. В. М. Молотов последовательно настаивал на тексте решений Крымской конференции на русском языке, уполномочивших комиссию «проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего временного правительства и с другими польскими демократическими деятелями как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего правительства»⁷⁴.

И. В. Сталин и В. М. Молотов подчеркивали необходимость именно реорганизации временного правительства Польши, сохраняя преобладание в нем коммунистов и близких к ним лиц. Западные представители, взаимодействуя с польскими деятелями в Лондоне и с руководством «подпольного государства», добивались такого расширения правительства, которое изменило бы его просоветскую ориентацию.

Правда, в начале переговоров с западными послами В. М. Молотов вроде бы проявлял склонность к поискам компромисса. На первом заседании комиссии 23 февраля было решено послать приглашение представителям временного правительства Польши прибыть в Москву для консультаций. Удалось предварительно договориться и о потенциальных участниках консультаций из самой Польши и из-за границы. Однако В. М. Молотов настаивал на том, что «было бы очень полезно для комиссии ознакомиться с мнением польского временного правительства». Британский посол А. Керр поставил резонный вопрос о том, что будет делать комиссия, если варшавское правительство не одобрит список приглашаемых в Москву лиц. Советский нарком дипломатично ушел от прямого ответа, заявив, что «члены комиссии не подчинены варшавскому правительству, а подчинены своим соответственным правительствам, и они могут иметь независимое мнение». Хотя, на его взгляд, «было бы полезно узнать мнение временного польского правительства о приглашаемых лицах. Затем можно было бы решить, как поступить»⁷⁵.

Ответ временного правительства Польши получился жестким и категоричным: «Предлагаемая консультация требует участия в ней демократических лидеров, отражающих волю народа и защищающих принципы, на которых основаны решения Крымской конференции. Этому условию, к сожалению, не отвечает состав лиц, предложенный в Вашем письме вследствие политической односторонности его подборки». Особое внимание было уделено кандидатуре экс-премьера С. Миколайчика, который, по утверждению Варшавы, «в своих неоднократных заявлениях в печати за последнее время нередко выступал против решений Крымской конференции». В телефонограмме в Москву председателя Крайовой Рады Народовой Б. Берута и советского посла в Польше В. З. Лебедева предлагался альтернативный список кандидатур для консультаций⁷⁶.

Категоричная позиция Варшавы вызвала не менее жесткую реакцию Лондона. 27 февраля В. М. Молотов получил записку британского посла А. Керра, содержавшую резкую оценку ответа временного правительства Польши. А. Керр писал: «Из телеграммы, полученной из Варшавы, видно, что г-н Берут либо совершенно неправильно понял все то, что имело место в Крыму в отношении Польши, или что он действует с недобрыми намерениями и насмехается над комиссией. Вся телеграмма говорит о том, что он считает свое правительство и выдвинутых им кандидатов единственными выразителями мнения демократических кругов в Польше и что они желают диктовать свою волю комиссии. Этого нельзя допустить».

Британский посол настаивал на том, что комиссия должна прислушиваться к мнению всех польских демократов. А. Керр предлагал десять дополнительных кандидатур для участия в московских консультациях⁷⁷. Английское правительство утверждало, что приглашение представителей временного правительства Польши в Москву способно нарушить равновесие между различными группами польских демократических деятелей. Лондон выражал настойчивое пожелание одновременного прибытия в Москву различных групп поляков для участия в консультациях⁷⁸. Возражения британского правительства привели к отмене приглашения в Москву представителей временного правительства Польши. По поводу кандидатур других деятелей для участия в московских консультациях в трехсторонней комиссии выявились принципиальные разногласия.

В ходе последующих дискуссий в комиссии по Польше В. М. Молотов настойчиво отстаивал основополагающие подходы советского руководства к консультациям в Москве. По мнению советского руководства, быть приглашенными для консультации могли только такие демократические деятели, которые признавали решения Крымской конференции и способны были развивать дружественные отношения с СССР. Отсюда возражения наркома против участия в консультациях С. Миколайчика. В. М. Молотов доказывал, что в Ялте речь шла о реорганизации временного правительства Польши, поэтому это правительство должно рассматриваться как «база, основное ядро» для формирования будущего коалиционного правительства. В. М. Молотов трактовал ялтинские решения по Польше таким образом, что представители временного правительства должны были пользоваться приоритетом в процессе московских консультаций⁷⁹. Представители США и Великобритании настаивали на приглашении в Москву максимально представительного круга демократических деятелей из Польши и из-за рубежа. А. Керр и А. Гарриман категорически отвергали право варшавского правительства отвергать те или иные кандидатуры для консультаций.

К концу марта выявилась безрезультатность консультаций в трехсторонней комиссии. Нарком В. М. Молотов четко сформулировал советскую позицию в памятной записке, направленной послу США А. Гарриману 22 марта. Советская сторона вновь настаивала на том, что реорганизованное польское правительство должно быть образовано на базе временного правительства Польши. В связи с этим советское руководство отвергало подход к варшавскому правительству лишь как одной из трех групп демократических поляков. В. М. Молотов подчеркивал, что комиссия должна консультироваться в первую очередь с временным правительством Польши. Советское руководство выдвигало следующие основные положения для организации московских консультаций: «а) комиссия должна исходить в своей работе из того основного положения Крымской конференции, что временное польское правительство является базой для нового временного польского правительства национального единства с включением в его состав демократических лидеров из Польши и поляков из-за границы; б) комиссия должна безотлагательно приступить к проведению порученной ей консультации, для чего прежде всего должны быть вызваны представители временного польского правительства». При этом категорически отвергалось участие в консультациях сторонников эмигрантского польского правительства, включая и С. Миколайчика⁸⁰.

Руководители Запада признавали, что советские позиции на переговорах были явно сильнее. Ф. Рузвельт в своем послании У. Черчиллю 29 марта отмечал, что ялтинское соглашение «делает бóльший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах»⁸¹. Еще более выигрышную для СССР оценку сложившейся ситуации давал французский посол в Москве Ж. Катру. В шифрованной телеграмме он сообщал 30 марта в Париж: «Что касается Кремля, то он хладнокровно наблюдает эффект, который производит на англосаксонские правительства его неуступчивость в польском вопросе и его уклончивая, а в чем-то и нелояльная позиция по вопросу о конференции в Сан-Франциско. До настоящего времени он не проявил никакой готовности к компромиссу. Он стремится реализовать дипломатический успех, достигнутый в Ялте, который принес ему молчаливое признание его преобладания в тех регионах, которые мы знаем. Польша — это краеугольный камень его политической системы. Он присутствует там, и только он один там присутствует. Он обладает там силой.

Это позволяет ему господствовать и проявлять твердость и непреклонность»⁸². В конце марта переговоры трехсторонней комиссии в Москве зашли в тупик.

В начале апреля разногласия между лидерами большой тройки по польскому вопросу выплеснулись на самый высокий уровень. В посланиях У. Черчилля и Ф. Рузвельта, полученных в Москве 1 апреля, премьер-министр и президент изложили свое видение польской проблемы. Они протестовали против права советского правительства или временного правительства Польши накладывать вето на те или иные кандидатуры поляков, которых предлагалось пригласить в Москву для консультаций. Ф. Рузвельт подчеркивал при этом, что реорганизация польского правительства мыслилась таким образом, «чтобы создать новое правительство». У. Черчилль отдельно останавливался на случае с С. Миколайчиком, «который в британском и американском мире рассматривается как выдающийся польский деятель за пределами Польши»⁸³.

В своих ответах Ф. Рузвельту и У. Черчиллю И. В. Сталин обвинял послов западных держав в отходе от решений Крымской конференции по польскому вопросу. Советский лидер настаивал, что именно временное польское правительство «должно послужить ядром нового правительства национального единства. Послы же США и Англии в Москве отходят от этой установки, игнорируют существование временного польского правительства, не замечают его, в лучшем случае ставят знак равенства между одиночками из Польши и из Лондона и временным правительством Польши. При этом они считают, что реконструкцию временного правительства надо понимать как его ликвидацию и создание совершенно нового правительства»⁸⁴. И. В. Сталин решительно возражал против такого подхода и настаивал на том, что приглашаться в Москву для консультаций могли только такие польские деятели, которые признают решения Крымской конференции, включая решение о польско-советской границе по линии Керзона, и «стремятся на деле установить дружественные отношения между Польшей и Советским Союзом». Он подчеркивал значение Польши для обеспечения безопасности Советского Союза и отстаивал такую реконструкцию польского правительства, при которой «ядром будущего польского правительства национального единства должно быть временное польское правительство». И. В. Сталин предлагал ограничиться вызовом в Москву восьми польских деятелей (пяти из самой Польши и трех из Лондона), причем обязательным предварительным условием должны были стать консультации с временным правительством Польши. А при определении соотношения министров этого правительства и вновь привлекаемых деятелей следовало ориентироваться на югославский прецедент, давший явный перевес сторонникам новой революционной власти⁸⁵. Что касается кандидатуры С. Миколайчика, то И. В. Сталин настаивал на признании им решений Крымской конференции по польскому вопросу и открытого заявления, что «он стоит за установление дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом»⁸⁶.

У. Черчилль в своих посланиях вновь выделил кандидатуру С. Миколайчика, довольно популярного в Польше. Британский премьер информировал И. В. Сталина о заверениях С. Миколайчика, что «тесная и прочная дружба с Россией является краеугольным камнем будущей польской политики». Польский деятель заявил о своей согласии с ялтинскими решениями в отношении будущего Польши и о создании правительства национального единства. И. В. Сталин выдвинул дополнительное требование о признании С. Миколайчиком решений Крымской конференции относительно восточных границ Польши. В ответ У. Черчилль подтвердил, что С. Миколайчик принимает крымские решения в целом, включая ту часть, которая касается восточных границ Польши по линии Керзона с оставлением Львова за Советским Союзом⁸⁷. В ответ И. В. Сталин снял свои возражения против приглашения С. Миколайчика в Москву для консультаций⁸⁸.

Развернутое изложение позиций У. Черчилля и Г. Трумэна по польскому вопросу содержалось в их совместном послании И. В. Сталину, полученном в Москве 18 апреля. Западные лидеры отвергали обвинения в том, что они намерены игнорировать временное правительство Польши в Варшаве. Они подчеркнули: «В действительности спорный вопрос между нами заключается в том, имеет или не имеет право варшавское правительство

налагать вето на отдельные кандидатуры для участия в совещании. По нашему мнению, такого толкования нельзя найти в крымском решении». Руководители Великобритании и США предлагали немедленно пригласить в Москву трех представителей временного правительства, трех деятелей из лондонских поляков и двух авторитетных лиц из Польши, не связанных с временным правительством. Таким образом, представители политических сил, не связанных с варшавским правительством, получили бы численный перевес. Эти польские деятели могли бы предложить комиссии имена других потенциальных участников совещания, «чтобы все главные польские группы были представлены при обсуждении». В заключение У. Черчилль и Г. Трумэн категорически отвергли применение к Польше югославского прецедента⁸⁹.

Однако И. В. Сталин настаивал на том, что временное правительство Польши «должно быть ядром, т. е. главной частью, нового, реорганизованного правительства национального единства». Он вновь выдвигал югославский пример как образец для Польши. В послании У. Черчиллю советский лидер делал намек на раздел сфер влияния в Европе между СССР и Великобританией: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции»⁹⁰.

Таким образом, в переписке на высшем уровне в апреле 1945 г. не удалось найти компромисс по польскому вопросу. Последующий обмен посланиями между И. В. Сталиным с одной стороны и У. Черчиллем и Г. Трумэном с другой подтверждал сохранявшиеся разногласия между лидерами большой тройки. Их письменный обмен мнениями был завершён И. В. Сталиным 10 мая, когда он в послании Г. Трумэну заявил: «Как мне кажется, Вы не согласны считаться с временным польским правительством как основой будущего правительства национального единства и не согласны с тем, чтобы временное польское правительство заняло в этом правительстве место, которое ему принадлежит по праву. Должен сказать, что такая позиция не дает возможности достигнуть согласованного решения по польскому вопросу»⁹¹.

Тем временем непосредственные переговоры переместились в Вашингтон, куда нарком В. М. Молотов прибыл 22 апреля, начиная свою поездку в США. Согласившись на визит В. М. Молотова в Соединенные Штаты, И. В. Сталин продолжил избранную им внешнеполитическую линию — сохранение взаимодействия с Вашингтоном и Лондоном. Руководство СССР добивалось его признания равноправным партнером в международных делах и согласия союзников на формирование советской сферы влияния в Восточной Европе.

14 апреля нарком В. М. Молотов подтвердил в письме послу А. Гарриману свой выезд в США в ближайшее время. А еще через день, 16 апреля, заместитель наркома А. Я. Вышинский в беседе с А. Гарриманом сообщил о безусловной поддержке советским руководством временного правительства Польши в Варшаве. А. Я. Вышинский информировал посла о намерении правительства СССР заключить договор о дружбе и союзе с польским временным правительством. Посол заявил о необходимости дождаться формирования нового польского правительства и намерении Вашингтона официально сформулировать свое отрицательное мнение. А. Я. Вышинский согласился выслушать американскую сторону, но «дал понять, что заключение договора не может стоять ни в какой зависимости от замечаний американского правительства, если такие замечания и последуют»⁹².

18 апреля НКВД СССР получил письмо поверенного в делах США в Москве Д. Кеннана, в котором сообщалось об отрицательном отношении правительств США и Великобритании к заключению советско-польского договора. Ответ А. Я. Вышинского был жестким и категоричным, исключавшим всякие дискуссии на эту тему: «Подписание договора между Советским Союзом и Польшей в духе договоров, заключенных с Великобританией, Чехословакией и Югославией, вполне своевременно и полностью отвечает стремлениям и жизненным интересам польского и советского народов. Это шаг является, таким образом, вполне естественным и, поскольку он направлен на укрепление дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом, не должен был бы вызывать какого-либо беспокойства»⁹³.

Как раз в то время, когда В. М. Молотов направлялся в США, в Москву 19 апреля прибыли польские руководители во главе с президентом Крайовой Рады Народовой Б. Берутом. 21 апреля в Кремле состоялось подписание советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Значение этой акции было подчеркнуто тем, что с советской стороны договор подписал лично И. В. Сталин. По своему содержанию этот документ действительно был аналогичен договорам, заключенным Советским Союзом с Чехословакией, Францией, Югославией⁹⁴. Однако в сложившейся конкретной ситуации смысл его подписания был совершенно иным. И. В. Сталин продемонстрировал твердость и непреклонность в поддержке временного правительства Польши. Заключение договора во время продолжения трехсторонних переговоров по польскому вопросу приобретало особое значение, укрепляя легитимность временного правительства и его международно-правовое положение. Договор стал важным дипломатическим инструментом включения Польши в советскую сферу влияния.

Ставка советского руководства на временное правительство в Варшаве обрекала переговоры министров иностранных дел в Вашингтоне на неудачу. Тем более что «Молотов имел жесткое указание Сталина твердо держаться уже заявленной позиции и уклоняться от попыток союзников «решить вместе с тобой польский вопрос в Америке», ссылаясь на отсутствие там представителей временного польского правительства»⁹⁵.

Несовместимость позиций СССР с одной стороны и США и Великобритании с другой по польскому вопросу ясно выявилась в ходе совещания министров иностранных дел трех держав 22 апреля в Госдепартаменте США. В. М. Молотов по-прежнему настаивал на том, что «исходной позицией при решении польского вопроса должна быть договоренность о том, что новое польское правительство должно быть создано на основе временного польского правительства в Варшаве и что оно должно быть дружественным по отношению к Советскому Союзу». Советский нарком пытался в завуалированном виде сослаться на концепцию сфер влияния. Он подчеркнул, что «Польша находится в зоне действий наших войск», так же как Франция, Бельгия и Голландия находятся в зоне действий войск союзников, «и советское правительство не вмешивается в дела формирования правительств этих стран, в которых активно участвуют правительства Англии и США». А. Иден и Э. Стеттиниус пытались доказывать, что в Ялте было принято решение о создании нового польского правительства, и выразили удивление поспешным заключением советско-польского договора⁹⁶.

Три министра иностранных дел продолжили обсуждение польского вопроса в ходе совещания 23 апреля. В. М. Молотов вновь и вновь подчеркивал, что при решении вопроса о лицах, приглашаемых для консультации в Москву, необходимо посоветоваться с временным правительством Польши и «без консультации с представителями польского временного правительства нельзя принять решения». Советский нарком пытался сослаться на югославский прецедент, но эти доводы были отвергнуты министрами Великобритании и США. Достигнуть каких-либо договоренностей не удалось⁹⁷.

Дискуссии трех министров иностранных дел были продолжены в Сан-Франциско 2 мая, однако договориться о списке польских деятелей, приглашаемых в Москву для консультаций, вновь не удалось. Единственная уступка, на которую пошел В. М. Молотов, было его согласие на участие в консультациях С. Миколайчика. К тому же этот вопрос уже нашел положительное решение в переписке И. В. Сталина с У. Черчиллем. В. М. Молотов предложил продолжить обсуждение польского вопроса в Москве, посоветовавшись с варшавскими поляками⁹⁸.

Во время пребывания В. М. Молотова в Вашингтоне к обсуждению польского вопроса подключился и Г. Трумэн. Правда, во время первой встречи с В. М. Молотовым 22 апреля американский президент заверил в своей решимости осуществить решения, принятые в Крыму и Думбартон-Оксе⁹⁹. Однако во время следующей беседы с наркомом 23 апреля он заявил, что американские и британские предложения по польскому вопросу «являются весьма справедливыми и благоразумными... США не могут участвовать в учреждении такого польского правительства, которое не будет представлять демократических элементов

польского народа». Г. Трумэн обвинил советское правительство в нарушении решений по Польше и недвусмысленно связал решимость союзников сотрудничать в послевоенное время с приемлемым решением польского вопроса¹⁰⁰. В целом тон, избранный Г. Трумэном, был напористым и жестким. В Москве высказывания президента США расценивали крайне негативно: «Трумэн фактически послал Молотова к черту»¹⁰¹. Отсюда делался вывод об отходе нового президента от курса Ф. Рузвельта на сотрудничество с СССР.

Подобные выводы были сделаны не только в Москве. Французский дипломат М. Дежан отмечал в августе 1945 г.: «Напряженность между Америкой и СССР, несомненно, достигла своей кульминационной точки в первые дни конференции в Сан-Франциско. Президент Трумэн, казалось, отказался от самих основ политики своего предшественника. Но это была только внешняя сторона дела. Очень скоро он отдал себе отчет в опасностях такой ситуации и употребил все средства, чтобы восстановить более сердечные отношения»¹⁰².

Почему же президент Г. Трумэн предпринял шаги к улучшению отношений с Советским Союзом? Наверное, правящие круги США были не готовы перейти к открытой конфронтации с СССР. Слишком грозной представлялась эта держава на евроазиатском пространстве. По американским данным, Вооруженные силы СССР насчитывали летом 1945 г. около 16 млн человек¹⁰³. Сказывался и фактор войны с Японией. Для ее скорейшего победоносного завершения Соединенные Штаты нуждались в участии СССР в войне на стороне союзников. К тому же руководители США были заинтересованы в завершении создания ООН и начале функционирования этой организации. В Вашингтоне продолжалась борьба между приверженцами курса Ф. Рузвельта и сторонниками более жесткой политики в отношении СССР. Приходилось считаться и с американским общественным мнением, в котором к концу войны доминировало стремление к взаимопониманию и сотрудничеству с Советским Союзом. Британское посольство в Вашингтоне отметило в ежеквартальном отчете за июль — сентябрь 1945 г.: «Несмотря на то что крайне правые продолжают свои обычные нападки на советскую политику и ее цели в Восточной Европе... общим чувством в отношении Советского Союза остается ограниченный оптимизм. Русофобов, которые говорят о неизбежной войне между Соединенными Штатами и СССР, широко осуждают»¹⁰⁴.

Визит Г. Гопкинса в Москву и его результаты

Наиболее важной американской акцией стала миссия в советскую столицу помощника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса, убежденного сторонника сотрудничества с СССР. Весьма характерны были указания, переданные из Вашингтона американскому бюро военной информации в Москве: «Выбор президентом Трумэном наиболее доверенного советника господина Рузвельта служит лишним доказательством продолжения внешней политики Америки с курсом на хорошие отношения с Россией»¹⁰⁵.

Г. Гопкинс прибыл в Москву в качестве специального уполномоченного президента Г. Трумэна вечером 25 мая 1945 г. и оставался в советской столице до 7 июня. Во время визита Г. Гопкинс имел шесть встреч с И. В. Сталиным, провел переговоры с другими руководителями СССР. В ходе этих бесед обсуждался широкий круг вопросов. Г. Гопкинс заверял И. В. Сталина: президент Ф. Рузвельт считал после Ялты, что «несмотря на различия в политической и экономической идеологии наших двух стран, Соединенные Штаты и Советский Союз смогут сотрудничать и после войны, для того чтобы обеспечить прочный мир всему человечеству». Американский представитель утверждал, что президент Г. Трумэн полон решимости продолжать курс Ф. Рузвельта и намерен соблюдать все соглашения покойного президента с И. В. Сталиным, но для проведения этой политики он нуждался в поддержке общественного мнения США, которое обеспокоено состоянием отношений с Россией¹⁰⁶.

Беседы И. В. Сталина с Г. Гопкинсом проходили в откровенной, доверительной атмосфере, что способствовало их положительным результатам. Ряд вопросов, вызывавших взаимное недоверие, был урегулирован легко и быстро. Так, И. В. Сталин заявил о назначении маршала Г. К. Жукова советским представителем в Контрольный совет по Германии. Советское руководство проявляло большую заинтересованность в благоприятном для СССР решении вопроса о репарациях и в работе созданной в Ялте трехсторонней репарационной комиссии. США предлагали дополнительно включить в ее состав Францию, но Советский Союз возражал. Г. Гопкинс согласился начать переговоры репарационной комиссии в Москве без участия Франции. Посланец Г. Трумэна выразил полную готовность Вашингтона передать СССР причитающуюся ему часть германского флота.

Советский лидер выразил недовольство тем, как было осуществлено американцами прекращение поставок по ленд-лизу — «оскорбительным и неожиданным образом». Он заявил, что любые попытки давления на СССР были бы большой ошибкой. Г. Гопкинс заверил, что США «не пытались использовать ленд-лиз как средство давления». И. В. Сталин сказал, что верит Г. Гопкинсу и полностью удовлетворен его заявлением относительно ленд-лиза, но надеется, что тот учтет, как это выглядело с другой стороны.

Ключевой темой этих встреч стал польский вопрос. В первой же беседе с И. В. Сталиным Г. Гопкинс отметил, что ухудшение отношения американского общественного мнения к Советскому Союзу связано с неспособностью США и СССР договориться о реализации ялтинских договоренностей о Польше. Он подчеркнул, что польскому народу должно быть предоставлено право провести свободные выборы и самостоятельно определить свою государственную систему. Во время беседы в Кремле 27 мая Г. Гопкинс заверил, что у Соединенных Штатов «нет никаких особых интересов в Польше и никакого особого желания создать там правительство какого-то определенного характера. Мы можем согласиться с любым правительством в Польше, приемлемым для польского народа и в то же время дружественным к советскому правительству». Американский представитель выразил обеспокоенность тем, что предварительные шаги по воссозданию Польши были предприняты Советским Союзом в одностороннем порядке совместно с варшавским правительством¹⁰⁷.

Глава советского правительства в своих высказываниях подчеркивал значение Польши для безопасности СССР: «Россия жизненно заинтересована в том, чтобы Польша была и сильной, и дружественной... у Советского Союза нет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела Польши». Ответственность за отсутствие договоренностей в московской комиссии И. В. Сталин возложил на Англию, заявив, «что Советский Союз хочет иметь дружественную Польшу, а Великобритания хочет возродить систему санитарного кордона на советских границах». Советский лидер признал факт односторонних действий СССР в Польше и объяснил их логикой войны против Германии и присутствием сил Красной армии в Польше. Он выделил вопрос о составе будущего польского правительства, которое, по его мнению, могло бы включить четырех или пятерых демократических деятелей из самой Польши и из-за границы. И. В. Сталин подчеркнул, что если им с Г. Гопкинсом удастся договориться о составе нового правительства, «то после этого не останется никаких разногласий, поскольку все мы согласны насчет проведения свободных и невоспрепятственных выборов и никто не намеревается вмешиваться во внутренние дела польского народа»¹⁰⁸.

В связи с этим заявлением И. В. Сталина Г. Гопкинс заверил: США в духе Ялты признают, что «члены нынешнего польского режима составят большинство нового польского правительства». Он также дал понять, что Соединенные Штаты «могут согласиться на предложенные Москвой количественные квоты при советских уступках по персональному составу лиц, приглашаемых на консультации»¹⁰⁹.

В ходе бесед в Кремле обсуждались различные кандидатуры в состав реорганизованного польского правительства. Добившись принципиального согласия Г. Гопкинса на преобладание люблинских поляков в новом правительстве, И. В. Сталин проявил готовность пойти на уступки по отдельным кандидатурам. Так, он подтвердил согласие на приглашение в Москву для консультаций экс-премьера эмигрантского правительства С. Миколайчика, основателя

и одного из руководителей крестьянской партии «Стронництво Людове» В. Витоса, правого социалиста Я. Станчика. В результате встречи И. В. Сталина с Г. Гопкинсом 6 июня было достигнуто соглашение о приглашении в Москву для консультации четырех представителей временного правительства, пяти демократических деятелей из Польши (из них трое по англо-американскому предложению) и трех польских деятелей из Лондона (из них двое по англо-американскому предложению). Вашингтон и Лондон согласились одобрить достигнутые с Г. Гопкинсом договоренности¹¹⁰.

Глава советского правительства добился бесспорного политико-дипломатического успеха. Он в полной мере использовал заинтересованность Г. Трумэна в возрождении «духа Рузвельта» в отношениях между США и СССР. И. В. Сталин умело играл на разногласиях между Вашингтоном и Лондоном, поскольку президент США был меньше связан с лондонскими поляками, чем британский премьер. Советский лидер не скупился на заверения в проведении в Польше свободных и демократических выборов. Обеспечив преобладание просоветских деятелей в реорганизованном правительстве, И. В. Сталин уступил по поводу отдельных кандидатур для консультаций, справедливо считая это не таким уж важным. Он так же пошел на уступки Г. Гопкинсу по другим обсуждавшимся вопросам. В частности, это касалось правил голосования в Совете Безопасности ООН и обязательств СССР о вступлении в войну против Японии. По последнему вопросу Г. Гопкинс сообщал в Вашингтон: «Сталин не оставил у нас никакого сомнения в том, что он намерен начать военные действия в августе»¹¹¹.

Президент Г. Трумэн заявил на своей пресс-конференции 13 июня: «Я думаю, что если мы сохраним спокойствие духа и будем терпеливыми, то мы достигнем договоренностей, поскольку русские так же сильно стремятся ужиться с нами, как и мы с ними. Я думаю, что они продемонстрировали это очень убедительно в ходе последних переговоров»¹¹².

Результаты бесед Г. Гопкинса в Москве позволили возобновить работу трехсторонней комиссии по польскому вопросу. 11–12 июня комиссия согласовала список польских деятелей для участия в консультациях о составе будущего правительства. 13 июня в печати была опубликована информация о списке лиц, приглашаемых в Москву для консультаций¹¹³. Сторонники С. Миколайчика оказались в меньшинстве, к тому же они были разобщены. Важным фактором в ходе консультаций стала поддержка советским руководством временного правительства Польши и близких к нему лиц.

Обсуждение состава реорганизованного правительства проходило в Москве 16–21 июня с участием членов трехсторонней комиссии по Польше. 22 июня московские консультации были завершены, о чем заявили в совместном коммюнике В. М. Молотов, А. Гарриман и А. Керр. В состав правительства были введены двое деятелей из самой Польши и трое из-за границы, включая и С. Миколайчика. Формирование нового правительства национального единства Польши было закончено 29 июня. Премьер-министром коалиционного правительства остался социалист Э. Осубка-Моравский, вице-преьерами стали коммунист В. Гомулка и С. Миколайчик. Сторонники С. Миколайчика получили в новом правительстве четыре портфеля из двадцати одного. При этом все силовые министерства возглавили представители временного правительства. 30 июня это правительство было признано Францией, а 5 июля — Великобританией и США. «Фактически это была крупная победа советской дипломатии, так как ключевые посты в коалиционном правительстве в действительности оказались в руках коммунистов и их сторонников»¹¹⁴.

Существование в Варшаве просоветского правительства обеспечило подписание 16 августа 1945 г. договора между СССР и Польшей о советско-польской государственной границе. По этому договору, граница устанавливалась вдоль линии Керзона с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров¹¹⁵.

Советское руководство добилося после Второй мировой войны выгодных для СССР границ на западе и востоке. В. М. Молотов позднее говорил: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей»¹¹⁶.

Плакат Кукрыниксов.
1941

Плакат Кукрыниксов.
1942

ВСЁ БЛИЖЕ ГРОЗНЫЕ ШТЫКИ,
НЕУМОЛИМЕЙ ОКРУЖЕНЬЕ,

И ВЗВЫЛ НЕМЕЦКИЙ ЗВЕРЬ С ТОСКИ,
СВОЕ ПРЕДЧУВСТВУЯ КРУШЕНЬЕ.

Художник П. МАГНУШЕВСКИЙ

Текст В. САЯНОВА

Плакат П. Д. Магнушевского.
1943

**....., КРАСНАЯ АРМИЯ СОВМЕСТНО
С АРМИЯМИ НАШИХ СОЮЗНИКОВ
СЛОМАЕТ ХРЕБЕТ ФАШИСТСКОМУ
ЗВЕРЮ“ . (И. Сталин).**

Худ. Л. Н. Орехов и А. Г. Петров. Редактор П. Е. Карелин.

Государственное Издательство «Искусство»
Ленинград,
1943

M-1709. No 2281. Тираж 5000 экз. Цена 6 руб. 24 коп. БТИ УИИ.

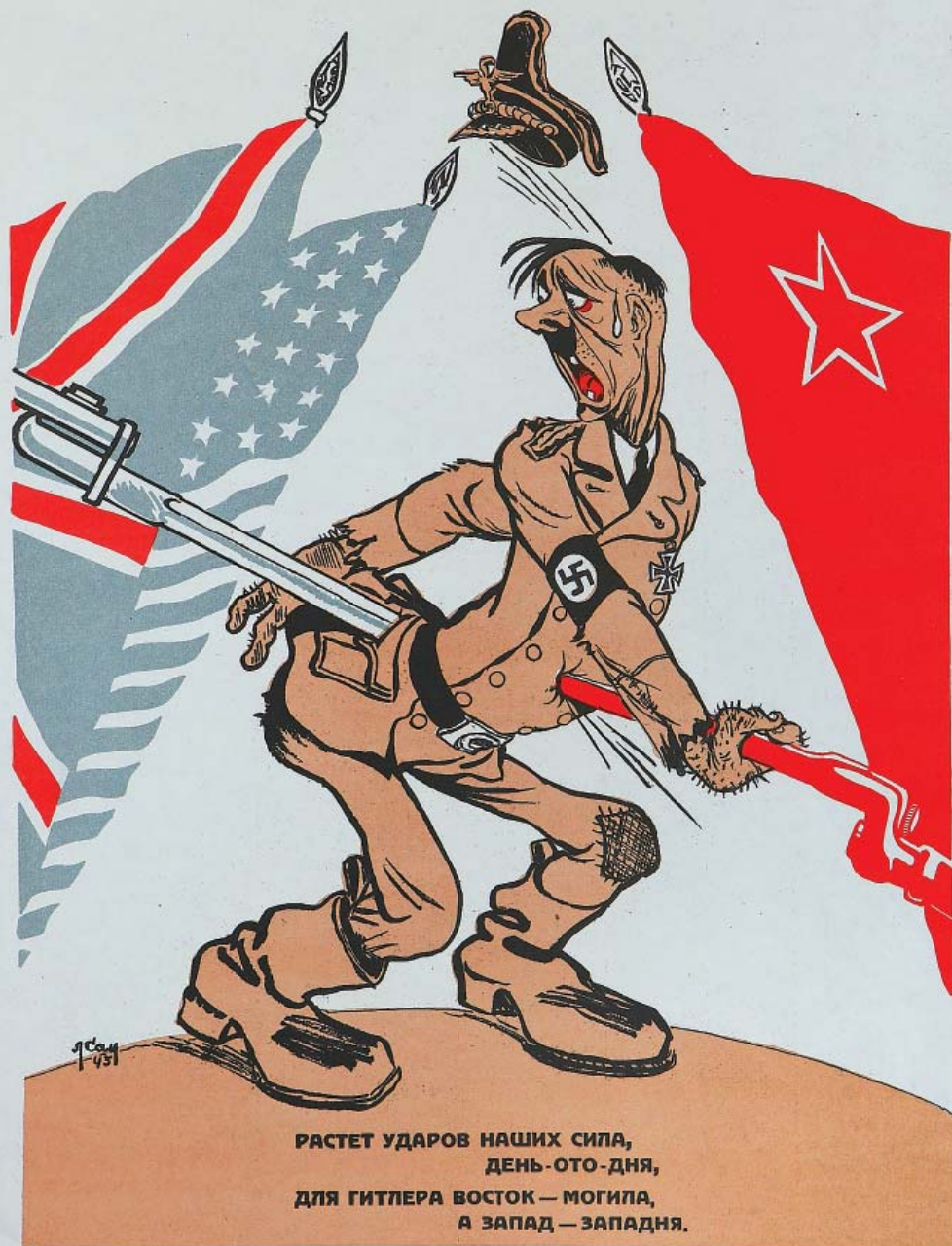
Плакат Л. Н. Орехова, А. Г. Петрова.
1943

Плакат В. Н. Селиванова.
1943

„...Удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии, впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников,— в единый общий удар.“

*(Из приказа № 195 от 1 мая 1943 г. Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза т. Сталина).*

**РАСТЕТ УДАРОВ НАШИХ СИЛА,
ДЕНЬ-ОТО-ДНЯ,
ДЛЯ ГИТЛЕРА ВОСТОК — МОГИЛА,
А ЗАПАД — ЗАПАДНЯ.**

Художник Л. Самойлов. Редактор П. Е. Корнилов.

Государственное Издательство „Искусство“
Ленинград
1943

М — 01730 № 2502. Тираж 3000 экз. Цена 2 руб. Зак. 757. ЛТ УИ-9

Плакат Л. С. Самойлова.
1943

Плакат И. С. Астапова, В. И. Курдова, Ю. И. Петрова.
1944

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

ОКНО ТАСС

Ленинград

№ 19 СЕНТЯБРЬ 1944

СУД ИДЁТ!

И — 22070 Цено 9 коп. Шпекс 3030, СТ УНБ

Художник В. СЕЛИВАНОВ.

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

ОКНО ТАСС

Ленинград

№ 24 Декабрь 1944 г.

**Задача состоит в том, чтобы держать Германию
и впредь в тисках между двумя фронтами.
В этом ключ победы.**

(И. Сталин).

© 1944. Цена 2 коп. № 1100 Зап. 300

Худ. В. СЕЛИВАНОВ

Плакат В. Н. Селиванова.
1944

Худ. И. С. АСТАПОВА
Худ. В. И. КУРДОВА
Худ. Ю. И. ПЕТРОВ

ОСВОБОДИМ НАРОДЫ ОТ ГИТЛЕРОВСКОЙ ТИРАНИИ!

*Да здравствует победа
Англо-Советско-Американского
боевого союза!*

*Да здравствует освобождение
народов Европы
от Гитлеровской тирании!*

*Да здравствует свобода
и независимость нашей славной
Советской Родины!*

(И. СТАЛИН)

Полиграфический материал ЛОУХ. № 12607. Заказ № 20. и 2. 1944

Плакат И. С. Астапова, В. И. Курдова.
1944

СВЕТОМ
КАРКАССА
№101
Худ. Л. Елькович

ДОБЬЕМ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ В ЕГО СОБСТВЕННОЙ БЕРЛОГЕ

М. 04405. Плакат-каркасс. цветной. 200х. Зах. №19. Цена 3 руб.

Плакат Л. Я. Ельковича.
1944–1945

ВРАГА РАЗДАВИМ!

ПУЩЕ ДРУГИХ НЕПРИЯТНЫХ ВЕЩЕЙ
ГИТЛЕР БОЯЛСЯ ЭТИХ КЛЕЩЕЙ...
БЛИЗЯТСЯ СРОКИ: КЛЕЩАМИ ЗАЖАТЫЙ,
БУДЕТ РАЗДАВЛЕН БАНДИТ БЕСНОВАТЫМ!

Плакат Н. А. Долгорукова.
1945

Политика СССР на юго-востоке Европы, Ближнем и Среднем Востоке

Основной опорой политики СССР на юго-востоке Европы в рассматриваемый период стала Югославия. В Ялте была принята рекомендация немедленно ввести в действие «соглашение Тито — Шубашича» и образовать временное объединенное правительство на основе этого соглашения, подписанного в Белграде 1 ноября 1944 г. и, будучи компромиссом по форме, дававшего явный перевес сторонникам новой революционной власти¹¹⁷. Во исполнение этого решения 7 марта 1945 г. было создано временное правительство Демократической Федеративной Югославии во главе с И. Б. Тито, при этом доктор И. Шубашич занял пост министра иностранных дел.

В следующем месяце правительственная делегация Югославии во главе с маршалом И. Б. Тито посетила Москву. Визит делегации в СССР проходил с 5 по 17 апреля 1945 г., в ходе него стороны обменялись проектами договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Во время беседы В. М. Молотова с И. Шубашичем 6 апреля нарком отметил, что подготовленные проекты договора не содержат существенных отличий: «Югославия хочет того же самого, что и Советский Союз, и следовательно, они могут легко договориться»¹¹⁸.

11 апреля в Кремле был подписан советско-югославский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. СССР и Югославия брали обязательства продолжать борьбу против Германии до окончательной победы, а также сотрудничать во всех международных действиях, направленных на обеспечение мира и безопасности народов. Ключевая статья договора гласила: «Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон оказалась бы в послевоенный период вовлеченной в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с каким-либо государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении». СССР и Югославия брали обязательства не участвовать в союзах, направленных против другой стороны, и действовать после войны в духе дружбы и сотрудничества¹¹⁹.

Выступая при подписании этого документа, В. М. Молотов подчеркнул, что договор «закрепляет отношения дружбы и тесного сотрудничества, сложившиеся между народами СССР и Югославии в их совместной борьбе против общего врага — немецких захватчиков»¹²⁰. Договор создавал надежную базу для развития отношений союза и сотрудничества между СССР и Югославией после войны.

В ходе переговоров И. Б. Тито в Москве большое внимание было уделено отношениям между Югославией и Болгарией. Лидер болгарских коммунистов Г. Димитров также находился в это время в Москве. Руководители коммунистических партий двух балканских стран выступали за их объединение в федерацию, однако относительно путей формирования такой федерации существовали принципиальные разногласия: вхождение Болгарии в качестве одной из республик в состав Югославии или объединение двух государств на равноправной основе¹²¹.

В результате бесед И. В. Сталина с И. Б. Тито и Г. Димитровым были достигнуты договоренности о развитии отношений между Югославией и Болгарией. На первом этапе предусматривалось восстановление дипломатических отношений между Белградом и Софией, что должно было поставить точку на их враждебности в прошлом. На втором этапе предлагалось заключение договора о сотрудничестве и взаимопомощи двух стран. На третьем этапе оба государства должны были подготовить формирование общей федерации, методы создания которой в тот момент не уточнялись¹²². Это решение позволяло советскому лидеру держать в своих руках рычаги влияния и на Югославию, и на Болгарию и таким образом усилить свое воздействие на ситуацию на Балканах.

Расхождения между И. В. Сталиным и И. Б. Тито проявились во время конфликта вокруг Триеста в мае — июне 1945 г. Область Триеста принадлежала Италии, в которой ее

называли Венеция-Джулия, в Югославии — Юлийская Крайна. Ее население было смешанным по этническому составу: в самом Триесте большинство составляли итальянцы, а в прилегающей сельской местности — словенцы и хорваты. В процессе освобождения Триеста от фашизма в мае 1945 г. его заняли отряды Народно-освободительной армии Югославии. В то же время с запада в него вошли англо-американские войска, закрепившиеся в порту. Великобритания и США стремились сохранить Триест за Италией, а руководство новой Югославии заявляло о своей решимости присоединить эту область к Федеративной республике. Судя по архивным документам, в апреле советское руководство согласилось поддержать позицию Югославии.

15 мая англо-американцы обратились по вопросу о Триесте напрямую к И. В. Сталину, рассчитывая, что он сможет побудить И. Б. Тито пойти на уступки. В своем послании У. Черчилль предложил установить в спорной области военное управление под властью союзного командующего для осуществления соответствующего административного контроля¹²³.

В результате обсуждения этого вопроса в Кремле И. В. Сталин стал нацеливать И. Б. Тито на достижение компромисса: согласие на установление в спорном районе военной администрации союзников при сохранении югославской гражданской администрации и участии югославской армии в контроле над Юлийской Краиной. И. В. Сталин считал, что тем самым югославы получали возможность вести борьбу хотя бы за часть спорной территории без риска серьезных осложнений с англо-американцами¹²⁴. Подобная линия расходилась с более масштабными устремлениями Белграда. И. В. Сталин поддерживал югославы в вопросе о Триесте, но не очень решительно.

Однако руководители Великобритании и США не приняли предлагавшийся компромисс. У. Черчилль рассматривал триестский кризис как показательную пробу сил на юге Европы. 15 мая премьер писал командующему союзными войсками в Италии генералу Г. Александеру: «Если западные союзники не смогут противостоять захватническим и другим претензиям Тито и согласятся на какой-нибудь хилый компромисс, это может породить гораздо большую угрозу, чем та, с которой мы сталкиваемся сейчас в верховьях Адриатики. Меня крайне беспокоит общий настрой русских, особенно если они сочтут, что перед ними стоят лишь измотанные войска и дрожащие от страха органы власти... Если мы не проявим сейчас силу воли, то нас будут гнать от края до края»¹²⁵. Неслучайно именно в мае по указанию У. Черчилля британские военные руководители разрабатывали план операции «Немыслимое», предусматривавший военное противостояние с СССР.

В конце мая англо-американцы потребовали для союзного командующего права по своему усмотрению менять методы гражданского управления в районе Триеста и ограничивать там численность югославских войск. Вашингтон и Лондон осуществляли энергичный нажим на югославское руководство. И. В. Сталин также побуждал И. Б. Тито пойти на уступки. По некоторым свидетельствам, в начале июня руководство СССР направило И. Б. Тито телеграмму, требуя от него вывести в течение 48 часов югославские войска из Триеста. И. В. Сталин аргументировал свое требование тем, что не хочет из-за триестского вопроса быть ввергнутым в новую мировую войну¹²⁶. Югославские руководители вынуждены были отступить. Триестский кризис завершился подписанием 9 июня соглашения между правительствами Югославии, США и Великобритании об учреждении временного военного управления в области Венеция-Джулия. В ходе кризиса выявилось различие в подходах Москвы и Белграда к явлениям международной жизни. И. Б. Тито смотрел на кризис с региональной точки зрения, стремясь к лидерству Югославии на Балканах. И. В. Сталин рассматривал события мировой политики в глобальном масштабе, вписывая Триест в свои более общие замыслы.

Советское руководство внимательно следило за ситуацией в Болгарии и Румынии и оказывало несомненное влияние на внутривнутриполитические процессы в этих странах. В Болгарии в это время действовало коалиционное правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым. В его состав входили представители компартии, Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), социал-демократической партии, народного союза «Звено».

При этом руководители Советского Союза советовали коммунистам действовать более взвешенно, не спешить, не забегать вперед. В связи с предполагавшейся сменой правительства в Софии в июле 1945 г. Г. Димитрову намекали на неуместность в сложившихся условиях устранения из кабинета видного деятеля партии БЗНС Н. Петкова и других земледельцев. Болгарским коммунистам рекомендовалось проявлять «большую осторожность и терпимость и прочее»¹²⁷. Позиция советского руководства к политической ситуации в Болгарии ужесточилась в августе 1945 г., после Потсдама.

Советский Союз рассматривал Румынию в качестве важного элемента пояса безопасности на юго-востоке Европы. В сентябре 1944 г. Румыния признала факт своего поражения в войне на стороне фашистской Германии и заключила с великими державами соглашение о перемирии. Контроль над выполнением соглашения о перемирии был возложен на Союзную контрольную комиссию (СКК) из представителей СССР, Великобритании и США, которую возглавил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. СКК призвана была контролировать все направления политической, экономической и культурной жизни. В Румынии были размещены контингенты советских войск.

«Советский фактор приобрел здесь важное, а подчас и решающее значение в становлении коалиционной власти. Советское руководство считало для себя непременным условием поддержки этой власти участие в ней представителей левых сил и в первую очередь коммунистов»¹²⁸. Правительственный кризис в ноябре — начале декабря 1944 г. завершился формированием в Бухаресте правительства во главе с генералом Н. Радеску, сосредоточившим в своих руках ключевые силовые министерства.

С февраля 1945 г. Национально-демократический фронт (НДФ), объединявший левые силы, начал активные выступления против правительства Н. Радеску, обвиняя генерала в намерении разжечь в стране гражданскую войну. 24 февраля НДФ организовал в Бухаресте и некоторых других городах антиправительственные демонстрации, в ряде случаев произошли перестрелки между манифестантами и правительственными войсками. Министры НДФ потребовали немедленной отставки правительства Н. Радеску и наказания лиц, ответственных за применение силовых методов.

27 февраля в Бухарест прибыл заместитель наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, курировавший в советском руководстве румынские вопросы. На следующий день А. Я. Вышинский «сделал королю Румынии заявление о необходимости немедленно уволить правительство Радеску как неспособное обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной армии, и поощряющее деятельность железногвардейцев и других агентов Германии»¹²⁹. В тот же день генерал Н. Радеску подал королю Михаю заявление об отставке правительства, которое и было принято.

В ходе правительственного кризиса А. Я. Вышинский добивался формирования правительства Национально-демократического фронта во главе с П. Грозой¹³⁰. Король и его окружение пытались настаивать на участии в правительстве «исторических партий»: царанистской и либеральной. Однако этот вариант широкой правительственной коалиции натолкнулся на решительное противодействие НДФ. Во время беседы с королем 3 марта П. Гроза подчеркнул, «что, принимая во внимание политическое положение, другого выхода, кроме создания коалиционного демократического правительства, не имеется, и возможностей для совместного сотрудничества Национально-демократического фронта и исторических партий нет»¹³¹. Твердая позиция НДФ, имевшая советскую поддержку, привела к формированию 6 марта правительства П. Грозы. Таким образом, в новом правительстве «пост премьеры и военного министерства получили представители НДФ, а министерство внутренних дел — КПП»¹³².

В ходе правительственного кризиса представители Великобритании и США в Румынии выражали свое недовольство методами его разрешения, но делали это достаточно осторожно. США пытались повлиять на развитие ситуации в Румынии, но встретили жесткий советский отпор. В. М. Молотов писал 27 февраля послу А. Гарриману: «Советское правительство считает весьма важным обеспечение порядка и спокойствия в Румынии, являющейся тылом Красной армии. Однако нужно сказать, что нынешнее румынское правительство оказалось

неспособным обеспечить порядок и спокойствие в тылу Красной армии, как оказалось неспособным честно выполнять условия соглашения о перемирии. Это создает серьезное беспокойство и тревогу у советского правительства»¹³³. С аргументом о необходимости обеспечить порядок и спокойствие в тылу Красной армии было трудно спорить.

К тому же США и Великобритания не обладали реальными рычагами воздействия на положение в Румынии. «Что касается румынской ситуации, — писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю 11 марта, — то Аверелл (А. Гарриман. — *Прим. ред.*) поднял и продолжает поднимать этот вопрос с Молотовым, апеллируя к «Декларации об освобожденной Европе»... но Румыния — неподходящее место для пробы сил»¹³⁴. Очевидно, в какой-то степени сказывалось согласие У. Черчилля в октябре 1944 г. на преобладание Советского Союза в Румынии. Лондон и Вашингтон вынуждены были примириться с включением Румынии в советскую сферу влияния.

В конце мая 1945 г. И. В. Сталин предложил У. Черчиллю и Г. Трумэну возобновить дипломатические отношения с Румынией, Болгарией и Финляндией¹³⁵. Однако западные лидеры соглашались восстановить дипломатические отношения с Финляндией, но не с Румынией и Болгарией. При этом Г. Трумэн и У. Черчилль указывали на отсутствие в Румынии и Болгарии демократических режимов, представляющих волю народа. Глава советского правительства пытался отстаивать свою точку зрения, ссылаясь на то, что вооруженные силы Румынии и Болгарии «принимали активное участие в разгроме гитлеровской Германии»¹³⁶, но переубедить партнеров по большой тройке ему не удалось.

И. В. Сталин старался соблюдать «процентное соглашение» с У. Черчиллем, по которому Греция отходила в зону британского влияния. В январе 1945 г. он говорил Г. Димитрову, имея в виду стремление греческих коммунистов развязать вооруженную борьбу против монархических прозападных сил в Греции: «Я советовал, чтобы в Греции не затевать эту борьбу. Люди ЭЛАС не должны были выходить из правительства Папандреу. Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная армия спустится до Эгейского моря. Мы не можем этого сделать. Мы не можем послать и в Грецию свои войска. Греки совершили глупость»¹³⁷.

В целом обеспечение советского влияния на Балканах являлось важным аспектом внешней политики СССР, который стремился установить контроль на Черном море и в зоне проливов. Рассуждая в июне 1945 г. о послевоенной системе территориальной опеки, М. М. Литвинов в качестве возможных подопечных территорий Советского Союза намечал Эритрею, Сомали, Ливию, Палестину. При этом заместитель наркома делал вывод: «Предпосылкой получения и удержания нами любых из перечисленных объектов представляется наш контроль над проливами и свободный выход нашего максимально усиленного флота из Черного моря»¹³⁸.

Отсюда и стремление Советского Союза к пересмотру конвенции в Монтрё, определявшей режим черноморских проливов. Обсуждение этого вопроса в Ялте привело к соглашению о том, что «три министра иностранных дел на своем ближайшем совещании в Лондоне обсудят предложения советского правительства в отношении конвенции в Монтрё и сделают доклады своим правительствам». И договорились проинформировать об этом Турцию «в надлежащий момент»¹³⁹. После Крымской конференции В. М. Молотов заявил турецкому послу в Москве С. Сарперу, что советское правительство «не удовлетворено конвенцией в Монтрё и считает, что ее следует пересмотреть»¹⁴⁰.

В феврале 1945 г. Ближневосточный отдел НКВД четко сформулировал интересы Советского Союза: «Наиболее выгодным для СССР решением вопроса было бы сочетание двустороннего советско-турецкого соглашения о проливах, подкрепленного реальными гарантиями его проведения в жизнь, с соглашением между тремя великими союзными державами, предусматривающим непотворение Англии и США... двустороннему советско-турецкому соглашению. Несколько менее выгодным, но также приемлемым решением вопроса была бы регламентация режима проливов всеми черноморскими странами, причем и соглашение черноморских стран следовало бы сочетать с соглашением между тремя великими союзными державами»¹⁴¹.

Объявление Турцией войны Германии и Японии 23 февраля 1945 г. побудило советское руководство активизировать свою позицию в отношении Анкары. В марте в Москве было принято решение прекратить действие советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете. 19 марта В. М. Молотов сделал заявление о желании советского правительства денонсировать названный договор, поскольку «вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение Второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении»¹⁴².

В июне 1945 г. состоялись переговоры В. М. Молотова с турецким послом в СССР С. Сарпером об урегулировании отношений между двумя государствами. Турецкое правительство предложило заключить двусторонний союзный договор. Однако советская сторона выдвинула в качестве предварительного условия удовлетворение Турцией советских предложений: восстановление границы, существовавшей до завершения Первой мировой войны, то есть возвращение Советскому Союзу районов Карс и Ардаган, отошедших к Турции в 1921 г.; пересмотр режима черноморских проливов, установленного конвенцией в Монтрё, а также согласие Турции на создание советских военно-морских баз в районе проливов. В беседе с С. Сарпером 18 июня В. М. Молотов подчеркнул, что «базой договора явится урегулирование всех претензий, включая территориальные вопросы и вопрос о проливах»¹⁴³. Турция отказалась удовлетворить советские требования.

Что касается территориального вопроса, то речь шла о передаче Советскому Союзу бывших армянских и грузинских территорий общей площадью 26 500 кв. км, отошедших к Турции в 1921 г.¹⁴⁴ По вопросу о проливах, как отмечалось в справке НКВД (сентябрь 1945 г.), СССР добивался отмены конвенции в Монтрё и определения режима проливов заключением двустороннего соглашения между Москвой и Анкарой. При этом СССР должен был получить не только право участвовать совместно с Турцией в контроле над соблюдением правил прохода судов через проливы, но и возможность их совместной защиты силами двух стран¹⁴⁵.

Впоследствии В. М. Молотов критически оценивал действия советской дипломатии на турецком направлении: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не совсем правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 г., после окончания войны. Пролиты должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело»¹⁴⁶.

Весной — летом 1945 г. Советский Союз усилил свою активность в Иране. С августа 1941 г. на территории Северного Ирана находились советские войска, введенные туда для пресечения деятельности прогерманских кругов. По договору 1942 г. (СССР, Великобритания, Иран) войска должны были быть выведены с территории соседней страны не позднее чем через шесть месяцев после окончания войны.

Во время войны советские геологи обнаружили на севере Ирана перспективные залежи нефти. В сентябре 1944 г. Иран посетила советская правительственная делегация во главе с заместителем наркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе. Делегация добивалась предоставления иранским правительством Советскому Союзу эксклюзивной нефтяной концессии на севере Ирана, однако иранское руководство отклонило просьбу Москвы. 2 декабря 1944 г. меджлис принял закон, запрещающий главе правительства предоставлять концессии и даже вести переговоры о них до окончания войны. Информатор ЦК ВКП(б) в Тегеране связывал действия иранского руководства с влиянием проанглийских сил. По его мнению, Англия действовала через иранский парламент, который, являясь ее послушным орудием, «смог оказать сильное сопротивление нашей первой попытке расширения экономических интересов (отклонение предложения о концессиях)»¹⁴⁷.

Вопрос о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии становился ключевым в отношениях между Москвой и Тегераном. В ответ на предложение иранского руководства обсудить возможность создания смешанного советско-иранского общества по разведке и добыче нефти в Северном Иране нарком В. М. Молотов в конце февраля 1945 г. заявил, что «иранское предложение не может быть базой для каких-либо переговоров... Советское

правительство считает единственным своим предложением по нефтяному вопросу сделанное им предложение о концессии в Северном Иране»¹⁴⁸. При этом советское руководство стремилось укрепить собственные позиции в Иране и не допустить усиления там влияния Великобритании и США.

В мае 1945 г. иранское правительство обратилось к СССР, Великобритании и США с предложением о досрочном выводе их войск с территории страны, ссылаясь на окончание войны в Европе. Англия поддержала это пожелание Тегерана, однако Москва избрала линию на затягивание пребывания советских войск в Иране. Мотивы советской позиции ясно излагались в докладной записке С. И. Кавтарадзе В. М. Молотову от 25 мая: «Вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций... Реакционные и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране. Поэтому считал бы правильным оттянуть момент вывода наших войск из Ирана и добиться возможного обеспечения наших интересов после их вывода (главным образом путем получения нефтяной концессии, а в крайнем случае — создания акционерного общества с преобладающим нашим участием)»¹⁴⁹. Тем самым затягивание вывода советских войск из Ирана ставилось в прямую зависимость от получения СССР экономических и политических уступок от Ирана.

Другим инструментом советской дипломатии в Иране стала поддержка автономистского движения азербайджанцев, компактно проживавших в прикаспийских районах страны, в которых находились контингенты Красной армии. Азербайджанцы являлись в Иране угнетенным национальным меньшинством, были лишены права на обучение и издание литературы на родном языке, не имели своего самоуправления.

В июне 1945 г. Народному комиссариату иностранных дел СССР и ЦК компартии Азербайджана было поручено подготовить предложения по решению азербайджанского вопроса. 11 июня был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б), а 6 июля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление об инициировании в Южном Азербайджане и других северных областях Ирана движения, которое ориентировалось на подготовку к образованию в составе Иранского государства национально-автономной азербайджанской области с широкими правами. Для осуществления этой работы предлагалось создать на севере Ирана Азербайджанскую демократическую партию. Намечались основные программные установки этой партии, направленные на осуществление социальных и культурных реформ. Для защиты деятелей и активистов этого движения предусматривалось создание боевых групп, обеспеченных оружием иностранных образцов. Сепаратистское движение в Иранском Азербайджане должно было развиваться под лозунгами борьбы за предоставление этой провинции широкой автономии¹⁵⁰. В июле в Баку были проведены секретные совещания по созданию Азербайджанской демократической партии, возглавить которую предлагалось коммунисту С. Дж. Пишевари.

Одновременно советское руководство осуществляло меры по подготовке к организации нефтедобычи на севере Ирана. 21 июня Государственный Комитет Оборона принял постановление «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране», в котором предусматривалось осуществление ряда конкретных мер для его реализации¹⁵¹.

На пути к Потсдаму

Несмотря на существующие проблемы, летом 1945 г. еще сохранялось сотрудничество ведущих стран антигитлеровской коалиции. В мае 1945 г. американские деятели поставили вопрос о новой встрече в верхах. Бывший американский посол в Москве Д. Дэвис предложил такую встречу И. В. Сталину 14 мая. И 20 мая советский лидер дал согласие на ее проведение¹⁵².

Вопрос о встрече большой тройки был поставлен Г. Гопкинсом во время его бесед с главой советского правительства в Москве. И. В. Сталин ответил, что уже послал президенту Г. Трумэну телеграмму, предлагая Берлин в качестве места их предварительной встречи¹⁵³.

Действительно, в ходе предварительных контактов через бывшего посла США в Москве Д. Дэвиса советские руководители называли Берлин в качестве возможного места встречи руководителей трех держав. На следующий день после беседы с Г. Гопкинсом И. В. Сталин информировал У. Черчилля: «Приехавший в Москву господин Гопкинс поставил от имени Президента вопрос о встрече трех в ближайшее время. Я думаю, что встреча необходима и что удобнее всего было бы устроить эту встречу в районе Берлина. Это было бы, пожалуй, правильно и политически»¹⁵⁴. 30 мая И. В. Сталин сообщил президенту США Г. Трумэну: «О Вашем предложении насчет встречи трех г-н Гопкинс передал мне сегодня. Я не возражаю против предложенной Вами даты встречи трех — 15 июля»¹⁵⁵. Таким образом, было согласовано время и место проведения новой встречи руководителей СССР, США и Великобритании — середина июля 1945 г., район Берлина.

В июне 1945 г. Наркоминдел начал подготовку материалов к новой встрече большой тройки. Приказом по наркомату от 20 июня была образована комиссия во главе с А. Я. Вышинским по подготовке материалов к предстоящему совещанию руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании¹⁵⁶. Общий перечень вопросов, которые могли быть поставлены на обсуждение Берлинской конференции, был одобрен В. М. Молотовым 28 июня. Он включал более 40 вопросов, распределенных по 16 разделам¹⁵⁷. Большинство разделов были связаны с проблемами определенных стран (от Германии до Японии), но предусматривалось обсуждение и общих вопросов (ленд-лиз, наказание военных преступников и прочее). Ответственность за подготовку материалов возлагалась на заместителей наркомов и заведующих отделами. Весь аппарат НКВД включился в подготовку справок и досье для руководства страны. Наряду с проблемами, представлявшими несомненный интерес для всей большой тройки, в документе наркомата фигурировали и вопросы, в обсуждении которых был заинтересован именно Советский Союз. Так, например, в разделе «Турция» были выделены территориальные проблемы между СССР и Турцией, а также вопрос о проливах; в разделе «Иран» предполагалось обсуждение нефтяных концессий в этой стране.

Не случайным было и то, что В. М. Молотов вставил в первоначальные предложения комиссии во главе с А. Я. Вышинским отдельный вопрос о территориальной опеке. Уже 20 июня посол в Вашингтоне А. А. Громыко передал государственному секретарю США Э. Стетгинусу письмо, в котором выражалось желание советского правительства «получить под свою опеку какие-либо территории»¹⁵⁸. В тот момент это пожелание правительства СССР не встретило возражений со стороны руководства США. Сказывалось и то, что Вашингтон сохранял заинтересованность во вступлении СССР в войну против Японии.

В целом в период подготовки Потсдамской конференции СССР выступал за продолжение сотрудничества ведущих государств антигитлеровской коалиции. Об этом свидетельствовало и позитивное отношение Москвы к американскому предложению об учреждении Совета министров иностранных дел (СМИД), переданному А. Гарриманом В. М. Молотову 8 июля 1945 г. СМИД в составе министров СССР, Великобритании, США, Франции и Китая призван был в качестве первоочередной задачи заняться «составлением с последующим представлением Объединенным Нациям проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией» и урегулированием нерешенных территориальных вопросов в Европе. Позже его можно было бы использовать для подготовки мирного договора с Германией¹⁵⁹. В связи с решением о создании Совета министров иностранных дел в Потсдаме было признано нецелесообразным дальнейшее существование Европейской консультативной комиссии¹⁶⁰.

Вместе с тем советское руководство стремилось последовательно отстаивать государственные интересы СССР, что проявлялось не только в предложениях Советского Союза к Турции и к Ирану, но также и в постановке вопроса о создании военно-морских баз СССР в Северной Норвегии и на датском острове Борнхольм¹⁶¹.

2 июля нарком внутренних дел Л. П. Берия доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову об окончании подготовительных мероприятий по приему, размещению и охране участников предстоящей конференции руководителей трех держав в Потсдаме. Советская делегация планировала добираться до Потсдама на поезде. Для обеспечения ее безопасности по пути следования привлекались 1515 оперативных сотрудников НКВД, более 17 тыс. военнослужащих наркомата и восемь бронепоездов войск НКВД¹⁶². К середине июля советская сторона была готова к проведению новой встречи большой тройки.

Весной 1945 г. советская внешняя политика опиралась на нарастающие успехи Красной армии, завершившиеся победоносным штурмом Берлина и освобождением Праги. Фашистская Германия была повержена, ее представители подписали Акт о безоговорочной капитуляции. СССР, США и Великобритания выработали и провозгласили общие принципы обращения с побежденной Германией. Советское руководство добивалось сохранения антигитлеровской коалиции, реализации решений Крымской конференции, не допуская их ревизии. Весной — летом 1945 г. СССР надеялся на сохранение сотрудничества с западными союзниками при одновременном отстаивании гарантий собственной безопасности. Советский Союз получил выгодные послевоенные границы и заложил основы сферы своего влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе. Упорная борьба по вопросам состава правительств в Польше, Болгарии и Румынии завершилась преобладанием советских подходов. Вместе с тем советскому руководству не удалось реализовать свои замыслы в отношении Ирана, Турции, зоны проливов. Все больше ощущалось политическое соперничество СССР с Великобританией и США, что способствовало нарастанию недоверия между руководствами ведущих держав антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 608.
- ² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 247–248.
- ³ См.: *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф, 1945. М., 2010. С. 6–34.
- ⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 386–406.
- ⁵ См.: *Соколов А. М.* Указ. соч. С. 35–36.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 15; Отчет о работе Европейской консультативной комиссии. М., 1947. С. 119.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 18. Д. 182. Л. 113.
- ⁸ Там же. Л. 115–116.
- ⁹ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. С. 611.
- ¹⁰ Там же. С. 626.
- ¹¹ Там же. С. 695–696. Примечания.
- ¹² *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 193.
- ¹³ *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949 г.). София, 1997. С. 471.
- ¹⁴ Коминтерн и Вторая мировая война. В 2-х ч. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 483–485.
- ¹⁵ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 1. 22 июня 1941 — 8 мая 1945 г. С. 610.
- ¹⁶ Там же. С. 22–23.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 25. Д. 209. Л. 37–38.
- ¹⁸ Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 108.
- ¹⁹ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 303–304.
- ²⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1984. С. 332.
- ²¹ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 303.
- ²² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 332–333.
- ²³ Там же. С. 339.
- ²⁴ Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 98–123.
- ²⁵ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 614–615.
- ²⁶ Международная жизнь. 2010. № 7. С. 117.
- ²⁷ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 306.
- ²⁸ Международная жизнь. 2005. № 1. С. 112.
- ²⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 211–212.
- ³⁰ Там же. С. 213–215.

- ³¹ Там же. С. 218–220.
- ³² Там же. С. 220–221.
- ³³ Там же. С. 222.
- ³⁴ Там же. С. 223.
- ³⁵ Там же. С. 228–229.
- ³⁶ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 304.
- ³⁷ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 594.
- ³⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 357.
- ³⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁰ Известия. 14 апреля 1945 г.; Красная звезда. 14 апреля 1945 г.
- ⁴¹ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 326–328.
- ⁴² *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 186.
- ⁴³ *Лебедева Н. С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров. Из истории Второй мировой войны. М., 1989. С. 281.
- ⁴⁴ *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 637–638.
- ⁴⁵ Там же. С. 641.
- ⁴⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947. С. 261–262.
- ⁴⁷ *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 193–194.
- ⁴⁸ *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 667.
- ⁴⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 267.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 15; Отчет о работе Европейской консультативной комиссии. С. 119.
- ⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 273–281.
- ⁵² Там же. С. 282–284.
- ⁵³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 354.
- ⁵⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 381.
- ⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 173. Л. 60.
- ⁵⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 371.
- ⁵⁷ Славяноведение. 1996. № 6. С. 78.
- ⁵⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 144.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 51. Л. 15.
- ⁶⁰ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М., Новосибирск, 1997. С. 176.
- ⁶¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. С. 476–477. Примечания.
- ⁶² Славяноведение. 1996. № 6. С. 83.
- ⁶³ *Марьина В. В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 320.
- ⁶⁴ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 245–246.
- ⁶⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 230.
- ⁶⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 309–310.
- ⁶⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 251.
- ⁶⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 588. Л. 2.
- ⁶⁹ Там же. Л. 1.
- ⁷⁰ *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.
- ⁷¹ *Жуков Г. К.* Указ. соч. С. 591–592.

- ⁷² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 153.
- ⁷³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 585. Л. 4.
- ⁷⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 260.
- ⁷⁵ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. М., 2004. С. 621.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 588. Л. 9–10.
- ⁷⁷ Там же. Д. 587. Л. 18–20.
- ⁷⁸ Там же. Л. 24.
- ⁷⁹ Там же. Д. 589. Л. 23–29, 34–46.
- ⁸⁰ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 639–641.
- ⁸¹ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 301.
- ⁸² Archives Nationales (Paris). Archives privées de M. Georges Bidault. Carton 457, dossier AP 82.
- ⁸³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 366; Т. 2. С. 216–217.
- ⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 226.
- ⁸⁵ Там же. С. 227–228.
- ⁸⁶ Там же. С. 371.
- ⁸⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 381, 383.
- ⁸⁸ Там же. С. 389, 392.
- ⁸⁹ Там же. С. 384–386.
- ⁹⁰ Там же. С. 390–392.
- ⁹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 248.
- ⁹² Печатнов В. О. Указ. соч. С. 322.
- ⁹³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 363.
- ⁹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 — декабрь 1945 г. М., 1974. С. 414–416.
- ⁹⁵ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 322.
- ⁹⁶ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 648–649.
- ⁹⁷ Там же. С. 653–660.
- ⁹⁸ Там же. С. 672–679.
- ⁹⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945 гг. С. 367.
- ¹⁰⁰ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. С. 650–651.
- ¹⁰¹ Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1995. С. 31.
- ¹⁰² Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques (Paris). Papiers Maurice Dejean. Vol. 82. F. 116.
- ¹⁰³ История международных отношений. В 3-х т. Т. 3. Ялтинско-Потсдамская система. М., 2012. С. 13.
- ¹⁰⁴ Союзники в войне. М., 1995. С. 338.
- ¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 44. Д. 689. Л. 53.
- ¹⁰⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. Т. 2. М., 1958. С. 614–616.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 615, 628–629.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 616, 630–631.
- ¹⁰⁹ Печатнов В. О. Указ. соч. С. 333.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 40. Д. 596. Л. 1.
- ¹¹¹ Шервуд Р. Указ. соч. С. 634.
- ¹¹² Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War 1941–1947. N. Y., 1972. P. 235–236.
- ¹¹³ Известия. 13 июня 1945 г.
- ¹¹⁴ Duroselle J. -B., Kaspi A. Histoire des relations internationales de 1945 à nos jours. Т. 2. Paris, 2001. P. 34.

- ¹¹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 386–388.
- ¹¹⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.
- ¹¹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 251–252.
- ¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 879. Л. 25.
- ¹¹⁹ Советско-югославские отношения 1945–1956 гг. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 10–12.
- ¹²⁰ Там же. С. 12–13.
- ¹²¹ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 460, 463.
- ¹²² Там же. С. 474.
- ¹²³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 418–421.
- ¹²⁴ Сталин и холодная война. М., 1998. С. 48–50.
- ¹²⁵ Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 10–11.
- ¹²⁶ Сталин и холодная война. С. 56.
- ¹²⁷ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 487.
- ¹²⁸ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов. М., 1998. С. 7.
- ¹²⁹ Там же. С. 99.
- ¹³⁰ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. С. 196.
- ¹³¹ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов. С. 106.
- ¹³² Там же. С. 12.
- ¹³³ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 624.
- ¹³⁴ *Печатнов В. О.* Указ. соч. С. 299–300.
- ¹³⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 427.
- ¹³⁶ Там же. Т. 2. С. 260–261.
- ¹³⁷ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 460.
- ¹³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 17. Д. 174. Л. 60–61.
- ¹³⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 263.
- ¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 47. Д. 758. Л. 3.
- ¹⁴¹ Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 63.
- ¹⁴² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 146.
- ¹⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 47. Д. 758. Л. 6–13.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 762. Л. 15.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 8.
- ¹⁴⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 102.
- ¹⁴⁷ Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 28.
- ¹⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 464. Л. 2.
- ¹⁴⁹ Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 31.
- ¹⁵⁰ *Гасанлы Дж.* СССР — Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006. С. 91–92.
- ¹⁵¹ Там же. С. 89–90.
- ¹⁵² СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из АВП РФ. Т. 2. 9 мая 1945 — 3 октября 1946 г. М., 2000. С. 44.
- ¹⁵³ *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 620.
- ¹⁵⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 426

¹⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 256.

¹⁵⁶ АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁵⁷ Там же. Л. 15–18.

¹⁵⁸ Советско-американские отношения. 1939–1945 гг. Документы. С. 704–705.

¹⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 2. Д. 31. Л. 2.

¹⁶⁰ Там же. Л. 14.

¹⁶¹ АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 17.

¹⁶² Там же. Д. 5. Л. 32–38.